

Люди
науки

В.И. МАЛОВ

В.К. АРСЕНЬЕВ

Люди
науки

В.И. МАЛОВ

В.К. АРСЕНЬЕВ

Книга для учащихся

Москва

«Просвещение»

1986

Рецензенты: В. А. Есаков, доктор географических наук;
Е. Г. Ерошек, учитель географии

Малов В. И.

М19 В. К. Арсеньев: Кн. для учащихся.— М.: Просвещение, 1986.—96 с.: ил.— (Люди науки).

В книге в доступной для учащихся форме рассказано о жизни замечательного путешественника и исследователя Дальнего Востока Владимира Клавдиевича Арсеньева. Книгу отличает большой познавательный интерес: читатель познакомится со многими удивительными дальневосточными уголками, проследит историю их изучения.

Еще одна важная тема книги — тема наследия ученого, ценности его научной работы. Содержание книги направлено на патриотическое воспитание учащихся.

М $\frac{4306020000-000}{103(03)-86}$ 266—86

ББК 26.8г

Введение

На географической карте советского Приморья немало названий, связанных с именем Владимира Клавдиевича Арсеньева.

Вот одно из них — Арсеньев. Так называется город, расположенный в центре Приморского края, в трехстах километрах северо-восточнее Владивостока, — город машиностроителей и лесопромышленников.

Арсеньевка — таково название основного притока одной из самых главных рек Приморья — Уссури.

Именем Арсеньева названы дальневосточные села, таежные реки, горы... Справедливо: ведь человек, о котором рассказывает эта книга, всюду здесь был, везде прошел, и в очень многих местах прошел первым, стерев с карты большое или малое белое пятно, бывшее до этого.

Пожалуй, трудно было бы точно указать, к какой именно области науки следует отнести деятельность Владимира Клавдиевича Арсеньева. Этнограф, специалист, изучавший происхождение, быт, нравы малых народностей, издавна населяющих эти места? Безусловно! Эколог, раздумывавший над проблемами взаимодействия живых организмов друг с другом и с окружающей средой, проблемами взаимодействия человека и природы? Конечно! Но ведь еще и метеоролог, и гидролог, и зоолог, и ботаник... Поэтому лучше всего, наверное, определить так: своеобразный ученый, предметом комплексных, всесторонних исследований которого стал Дальний Восток.

И еще — талантливый писатель, по чьим книгам многие впервые знакомятся с этим удивительным краем, благодаря мастерству автора зримо представляя и горы Сихотэ-Алиня, и чащобу Уссурийской тайги. Волшебны строки, написанные Арсеньевым: они словно бы наполнены густыми таежными ароматами, дымом походных костров; читатель как бы наяву слышит легкую кошачью поступь уссурийского тигра, видит,

как пасется стадо изюбров, как будто на собственных ладонях держит корень женьшеня...

Художественные произведения В. К. Арсеньева знакомы, если не по содержанию, то хотя бы по названиям, очень многим людям. Научные его работы известны достаточно широкому кругу специалистов. А вот о самом Владимире Клавдиевиче большинство из нас, надо признаться, почти ничего не знает.

Причиной тому в значительной мере его редкая скромность. В самом деле, рассказывая в своих книгах о людях — тех, с кем вместе путешествовал, кого встречал в пути, описывая растения и повадки животных, приводя сведения о гидрографии дальневосточных рек или метеорологические свои наблюдения, Арсеньев очень скупко говорит о себе самом — лишь самое необходимое, то, без чего уж никак не обойтись. Но все-таки и по этим крупницам личного можно, если быть внимательным, представить, каким человеком был Владимир Клавдиевич Арсеньев.

Отчетливо видная доброта к людям. Очень тонкое понимание природы и точное представление о том, насколько человек и природа связаны между собой и какой вред могут принести самим себе люди, неся даже самый малый ущерб природе. Сегодня эти мысли В. К. Арсеньева особенно актуальны — человек всерьез задумался о своих взаимоотношениях с окружающей средой... А еще непременно бросается в глаза постоянное стремление В. К. Арсеньева к новым знаниям, аккуратность, организованность. И наконец, поразительное трудолюбие — и в тайге, и за письменным столом...

Человек этот прожил жизнь яркую, полную увлекательных приключений — ведь и с тигром в тайге приходилось один на один встречаться, и в пургу замерзать, — но в то же время полную тяжелой повседневной работы. Он умел, поставив перед собой цель, достичь ее во что бы то ни стало; он твердо знал, во имя чего трудится, и верил, что труд его нужен многим людям; он прокладывал путь другим, чтобы они сделали еще больше, чем сделал он сам...

А если так, значит, всем, кто выбирает ныне собственный свой путь, в какую бы область человеческой деятельности он ни привел, важным и полезным окажется знакомство с жизнью Владимира Клавдиевича Арсеньева.

Глава

ПУТЕШЕСТВИЯ ДЕТСТВА

1

К зданию знаменитой Кунсткамеры, что находится в Ленинграде на набережной Васильевского острова, выстраиваются сегодня длинные очереди. Много желающих посмотреть коллек-

ции, начало которым положил еще Петр I, собиравший во всех местах, где он был, всяческие редкости.

При Петре собраны были кости вымерших животных и птиц и изготавливались чучела привычных всем ворон, попугаев, щук, окуней. Особым разделом стали совершеннейшие уж редкости, например теленок с двумя головами или барашек с восемью ногами (понятно, что и тот, и другой экспонаты в Кунсткамере хранились в больших ретортах с формалином). Собирались также предметы старины, древние рукописные книги и предметы культуры и быта европейских и азиатских народов. Этим, собственно, было положено начало русской этнографической науке.

И сегодня можно увидеть многие из «петровских» экспонатов. Но большая часть экспозиции бывшей Кунсткамеры именно этнографическая; в ее здании теперь находится Музей этнографии Академии наук СССР.

В залах музея собраны экспонаты, рассказывающие о том, как жили самые разные народы. Эскимосы, полинезийцы, индейцы различных племен, жители Малайских островов, папуасы... Чего здесь только не увидишь!

Часами можно бродить по залам Кунсткамеры. Впечатление от увиденного остается незабываемым.

А лет сто назад посетителей в Кунсткамере было значительно меньше: и население Петербурга было не так уж велико, и туризм развит был совсем не так, как теперь. Да и коллекции того времени по размерам тоже никак не сравнить с нынешними. Но и тогда каждый, кто побывал в этом здании, надолго сохранял впечатление от увиденного. И в первую очередь это, конечно, относилось к мальчишкам, которые только-только открывали для себя мир, как теперь его открывают нынешние мальчишки.

Зачарованно бродил по залам Кунсткамеры и Володя Арсеньев. Позже, став уже взрослым человеком, он признавался, что экспонаты этого музея были самыми яркими впечатлениями его детства. Путь от одной витрины к другой, потом к третьей, четвертой, из одного зала в следующий — вот его самые первые путешествия. И его первое знакомство с наукой этнографией.

Пройдет время, В. К. Арсеньев совершит еще множество путешествий, станет известным исследователем, автором книг, которые читали и перечитывают по сей день.

А пока — годы детства и детские увлечения. Но именно они во многом определили выбор его жизненного пути.

Владимир Клавдиевич Арсеньев родился 10 сентября 1872 года (по новому стилю) в Петербурге. Семья жила неподалеку от Смольного. Отец, Клавдий Федорович, служил на Николаевской (ныне Октябрьской) железной дороге конторщиком. Семья — а в ней было десять человек детей — жила небогато. Отец Владимира Клавдиевича был поистине замечательным

человеком. Строгим, но и справедливым. Он всю жизнь занимался самообразованием и приобрел обширные познания по самым разным вопросам. А самое главное, он был человеком, не жалевшим никаких сил, чтобы воспитать детей настоящими людьми и дать им образование.

Несмотря на недостаток средств, он смог собрать неплохую библиотеку. В квартире была и домашняя оранжерея. Отец использовал каждую свободную минуту, чтобы заниматься с детьми русским языком, математикой, историей, географией. Позже Владимир Клавдиевич вспоминал об отце: «Он стремился у всех нас детей выработать красивый почерк, умение решать задачи и хорошо знать наизусть государства земного шара, их главные города и пр.».

Открыл для своих детей Клавдий Федорович и волшебный мир театра. Володя побывал на разных спектаклях, был на вокальных концертах Ф. И. Шаляпина, Л. В. Собинова, В. В. Паниной.

А однажды он увидел еще одно, совершенно непривычное театрализованное действие: во время посещения... зоологического сада негры из Африки играли на сцене феерию «Вокруг света», поставленную по мотивам романов Жюль Верна. Может быть, именно тогда и появилось у него впервые желание самому отправиться в неведомые и загадочные страны?..

География вошла в жизнь Володи Арсеньева с малых лет. В 1877—1878 годах шла русско-турецкая война. В семье Арсеньевых пристально следили за ее событиями. Пятилетний Володя впервые увидел географическую карту, когда вместе с отцом отмечал маршруты движения войск, искал города, названия которых фигурировали в сводках военных действий.

Причудливые очертания берегов, синие прожилки рек, коричневые пятнышки гор...

Листок карты казался полным таинственного значения. Какого? Позже Арсеньев хорошо это узнает, сам составит множество топографических карт тех мест, где он пройдет первым.

Но пока он путешествует только по книгам. Совершает увлекательные плавания вокруг света вместе с детьми капитана Гранта и Филеасом Фоггом из романов Жюль Верна, скачет на лошадях по прериям вместе с героями Майна Рида, осаждают старинные английские и французские замки вместе с героями Вальтера Скотта. Знакомится с историей и подлинных экспедиций. Он проследит за маршрутом Магеллана. Узнает о том, где погиб французский капитан Лаперуз и как искали его пропавшие без вести корабли «Буссоль» и «Астролябия».

Он прочитал книги замечательного русского путешественника Николая Михайловича Пржевальского, и это положило начало игре: когда родителей не было дома, дети Арсеньевых строили лесной лагерь из одеял, диванных подушек,

кухонной утвари. Из этого лагеря начинались «экспедиции» по комнатам квартиры. Когда отец и мать возвращались, Володя чуть не с плачем умолял не разрушать то, что они построили, хотя бы еще некоторое время.

Семья была очень дружной, все заботились друг о друге.

Кстати, еще именно в детстве, под впечатлением прочитанного, увлеченный мечтами, Володя Арсеньев попробовал свои силы и в литературе.

Рассказ назывался «Живой в саркофаге». Сюжет его был экзотичен, но в то же время и прост: ученый-путешественник проник внутрь древней пирамиды, куда раньше никто не мог найти вход...

Конечно, этот рассказ был несовершенен, наивен, но отец, угадав определенные литературные способности сына, посоветовал ему завести тетрадь для записи планов будущих произведений, набросков, оригинальных идей, неожиданно пришедших удачных фраз, которые можно было бы потом использовать.

Володя завел такую тетрадь, и рядом с записями в ней стали появляться и неплохо выполненные рисунки: египетские пирамиды, мексиканские кактусы, парусники, идущие к берегам островов, на которых, конечно, зарыты несметные сокровища, награбленные пиратами, люди, проникающие в пещеру, охотники.

Желание странствовать было теперь у Володи Арсеньева уже всепоглощающим. Он станет только путешественником! Но как становятся путешественниками? По-разному, наверное. Правда, сам он видел единственный выход — по копейкам стал откладывать деньги, необходимые для того, чтобы можно было отправиться в кругосветное путешествие на каком-нибудь корабле. Это была трогательная и, конечно же, совершенно неосуществимая мечта.

И все-таки первое путешествие, пусть и недалекое, будущий исследователь совершил уже в десятилетнем возрасте — в один из небольших прибалтийских городов. Спутниками были отец и один из братьев. В городке сохранились остатки настоящего рыцарского замка, валы, рвы, развалины стен с бойницами. Впервые своими глазами Володя увидел то, о чем раньше только читал в книгах.

Когда-то на стенах и валах шли сражения, к стенам приставлялись осадные лестницы, и воины в латах тяжело карабкались наверх, осыпаемые стрелами защитников замка...

Впечатление от поездки оказалось у Володи незабываемым. Так много интересного может увидеть путешественник! Значит, главным делом его жизни обязательно станут странствия по свету!

...Многие, очень многие из мальчишек разных поколений переживали схожий период увлечения дальними странствиями, экзотическими названиями, мечтали о бесконечных

дорогах. А путешественниками становились лишь единицы. Почему?

Приходят новые увлечения, возникают другие планы, мешают разные житейские причины. Необходимо стечение многих обстоятельств, чтобы мечта о путешествиях не только крепла со временем, но и могла осуществляться.

Обстоятельства жизни юного Володи Арсеньева, как мы сейчас увидим, оказались такими, что желание странствовать просто не могло не стать еще сильнее и определеннее.

Глава | ДЯДЯ ЧЕРНОМОР

2

В юности часто случаются встречи, которые оставляют след на всю жизнь. Знакомство с умным, интересным человеком, обретение старшего друга уже ждало Володю Арсеньева.

Отец, Клавдий Федорович, был повышен по службе, его назначили кассиром. Теперь семья стала обеспеченнее, появилась возможность выезжать каждое лето на дачу. Здесь, в местечке Саблино, что южнее Петербурга, Володя впервые встретился со своим дядей, братом матери, Ильей (Иои́лем) Егоровичем Кашлычевым, которого за густую черную бороду родные прозвали Черномором.

В прошлом сельский учитель, человек веселый, подвижный, общительный, он страстно любил природу. Обычно он брал с собой в лес или на речку и юного племянника.

Ловля рыбы днем и ночью, наблюдения за жизнью и повадками животных и птиц, звуки и краски лета, яркие пятна цветов на лугах — все это необыкновенно увлекло будущего таежного путешественника. К тому же, плывя на лодке по реке Тосно, можно было без особого труда вообразить, что плывешь по Амазонке, самой полноводной из рек Земли. А лесная тропа вполне походила на те тропы, по которым бесшумно крадутся индейцы, выслеживая врагов-бледнолицых.

Дядя, казалось, знал о природе все. Каждая лесная травинка была ему известна, каждый камешек на дне реки знаком. Где-нибудь у костра на берегу реки, готовя уху, Илья Егорович рассказывал двум своим сыновьям и племяннику о том, как растут деревья, как называется тот или иной куст, из каких рыб состоит улов, где ночует медведь, отчего утром бывает роса.

От дяди Володя впервые узнал, как собирать грибы и ягоды, какие из них годны в пищу, а какие ядовиты. Узнал о том, как читать лесные следы, определяя, какой зверь их оставил, как узнавать птиц по их полету...

Самый обычный, казалось бы, лес становился для него все интереснее.

И все прекраснее!

Разве рассвет над тихой рекой, когда солнце, все смелее

пробиваясь сквозь листья и ветки, неуловимо меняет краски прибрежного леса, когда солнечные блески дрожат в спокойной глади воды, когда все настойчивее становится щебетание птиц, которых легко узнаешь по их голосам, менее замечателен, чем восход солнца, например, над Сахарой или раннее утро в мексиканской прерии?

Тихо потрескивая, догорает ночной костер. Пахнет утренней свежестью — в ней запах воды, травы, последнего дыма от угольев. Вот плеснула в воде рыба. Солнце поднимается все выше. День начинается...

Когда Володе исполнилось пятнадцать лет, он отправился в более длительное путешествие. У дяди была просторная четырехвесельная шлюпка «Стрела». Вместе с дядей и его сыновьями юный Арсеньев совершил трехнедельное речное плавание к Ладожскому озеру и обратно.

Меняются берега, плывут навстречу другие суда...

Но длительное путешествие, оказывается, это не только развлечение, но и труд, и невзгоды. Порой начинается затяжной дождь, и тогда от воды поднимается пронизывающий холод. Весло, если долго грести, становится тяжелым, неповоротливым; болит спина, стираются в кровь ладони. А на берегу, во время стоянок, надо разбивать лагерь, рубить деревья для костра, готовить еду. К тому же во время плавания Володя возложил на себя еще одну обязанность: все отдыхали, а он брался за «судовой журнал», подробно описывая все события и впечатления прошедшего дня.

Наверное, этот «судовой журнал» можно назвать первым из путевых дневников путешественника Владимира Клавдиевича Арсеньева.

Конечно же, все эти путешествия были очень полезны: развивали и смелость, и упорство, и умение переносить тяготы пути, трудиться. Должно быть, странствуя потом где-нибудь в Уссурийской тайге, знаменитый уже исследователь не раз вспоминал добрым словом своего дядю Илью Егоровича.

Владимир Арсеньев становился старше. И на мир смотрел реальнее, взрослее.

Неосуществимой оказалась детская мечта скопить денег на кругосветное путешествие. Теперь он думал о будущей профессии, которая казалась ему наиболее близкой к «музе дальних странствий». Решил стать инженером — строителем кораблей. А в путешествия он отправится позже.

И видимо, все то, что уже было в его жизни прежде — воспитание в семье, прочитанные книги, первые путешествия, пусть недолгие, но связанные с трудностями, которые надо было преодолевать, рано обозначили в Арсеньеве твердость характера, стремление во что бы то ни стало достичь намеченной цели. Он настойчиво стал готовиться к поступлению в высшее морское инженерное училище.

А почему в книге до сих пор ни слова не было сказано

о том, где Володя Арсеньев учился прежде? Дело в том, что это... неизвестно. В биографии путешественника, отдаленной от наших дней не столь уж и большим сроком, есть, как оказывается, немало белых пятен. Не все архивные материалы, связанные с его жизнью, сохранились, а воспоминания современников часто отрывочны и противоречивы. Есть, правда, сведения о том, что Арсеньев учился в реальном училище; в отличие от гимназий, где больше внимания уделялось гуманитарным предметам — истории, литературе, латыни, греческому языку, в реальных училищах основными предметами были физика, химия, математика. Вот только достоверны ли эти сведения?..

Как бы то ни было, точно известно, что к экзаменам в высшее морское инженерное училище он готовился всерьез.

Круг его чтения меняется, становится серьезнее. К тому же появилась возможность для более углубленной подготовки. Клавдий Федорович Арсеньев получил очередное повышение по службе — теперь он стал начальником конторы прибытия Петербургской товарной станции Николаевской железной дороги. Можно было больше средств тратить на покупку книг. Пригласил отец и двух репетиторов-студентов, о которых впоследствии Владимир Клавдиевич вспоминал с большой благодарностью. Полученные основательные знания по алгебре, геометрии, тригонометрии ему оченьгодились для составления топографических карт.

Но и книг о путешествиях Владимир, конечно же, не оставлял. Только вместо приключенческих романов на столе у него теперь лежали книги об экспедициях Элизе Реклю и Давида Ливингстона, о знаменитом плавании Чарлза Дарвина на корабле «Бигль»...

Однако его ожидало большое разочарование. В высшее морское инженерное училище Владимира Арсеньева не приняли, как лицо «недворянского происхождения». Только дворяне в ту пору могли быть офицерами во флоте, только дворяне могли быть военно-морскими инженерами.

Владимиру исполнилось восемнадцать лет. Какой выбрать путь? Однажды Клавдий Федорович Арсеньев встретился с одним из своих знакомых — генералом Левашевым. Тот дал совет: можно зачислиться вольноопределяющимся в какой-нибудь из полков, чтобы потом, экстерном сдав экзамены за весь курс кадетского корпуса, поступить в Петербургское юнкерское пехотное училище. Обучаясь там за свой счет, после окончания можно было бы сразу выйти в запас армии. Это дало бы определенное образование, к тому же все самые знаменитые путешественники того времени прошли армейскую школу...

И в ноябре 1891 года Арсеньев был зачислен вольноопределяющимся в 145-й Новочеркасский пехотный полк. В сентябре 1893 года поступил в Петербургское юнкерское пехотное

училище. Ему исполнился двадцать один год. Осуществление мечты о путешествиях, кажется, еще более отодвинулось.

Глава

3

ЮНКЕР, ПОДПОРУЧИК...

Девяностые годы XIX века были беспокойными для России. Интересы внешней политики требовали увеличения армии. Окончательно оформлялись границы Российской империи. Бурно продолжал развиваться капитализм, переходящий в империализм. Но уже был создан В. И. Лениным Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», и на фабриках, заводах по всей стране происходили стачки, волнения. Для их подавления тоже могли потребоваться войска, и в армии росла жестокая муштра. Россия напоминала огромный военный лагерь. В форму были одеты не только солдаты, но и гимназисты, студенты, банковские служащие, почтовые чиновники...

Вот в такое-то время началась военная учеба В. К. Арсеньева.

Рано утром звучала труба: подъем! Потом утренняя молитва, завтрак, изучение армейского устава. После обеда снова труба, молитва, изучение устава.

Таков был распорядок дня в юнкерском пехотном училище: шагистике, муштре уделялось основное внимание в обучении будущих офицеров русской царской армии.

И все же, справедливости ради, надо сказать, что училище давало воспитанникам и немало полезных знаний. Неплохо было поставлено преподавание иностранных языков, можно было хорошо изучить физику и математику.

Да и сугубо военные дисциплины дали Арсеньеву многое из того, что так пригодилось ему впоследствии. Умение быстро разбивать лагерь в походе, чертить топографические карты, вести в путевых дневниках по-военному лаконичные записи. Среди преподавателей училища было немало интересных людей. Военную географию, например, преподавал известный географ Михаил Ефимович Грум-Гржимайло, брат знаменитого исследователя Средней и Центральной Азии Григория Ефимовича Грум-Гржимайло. И это стало еще одним из тех обстоятельств, что определили будущую судьбу В. К. Арсеньева.

Грум-Гржимайло часто рассказывал об экспедициях на Памир, на Тянь-Шань, в которых ему довелось участвовать. Одного из юнкеров путешественник заметил. Заметил, с какой жадностью тот слушает его рассказы, каким восторгом горят его глаза, какие неподдельно заинтересованные, точные вопросы он задает: о природных условиях в горах, об организации экспедиций...

Днем для юнкера Арсеньева все продолжалось по-преж-

нему — труба, молитва, изучение устава... Но это днем.

А по ночам в курительной комнате, когда все погружались в глубокий сон, Арсеньев жадно читал книги по географии и этнографии Сибири и Центральной Азии: о походах Козлова, Хабарова, Атласова, Пояркова. Книги приносил ему Грум-Гржимайло, и они настойчиво манили на поиски неизвестного, неизученного.

Многие области Земли оставались в ту пору еще не исследованными. И вот только самый короткий перечень...

Человек еще не побывал на Северном полюсе (полюс был открыт лишь в 1909 году).

Никто еще не достиг Южного полюса (Южный полюс был покорен в 1912 году).

Слабо были исследованы бесконечные просторы Центральной Азии, Сибири, Дальнего Востока.

Еще не были открыты многие острова в Северном Ледовитом океане.

Неизвестными оставались «затерянные миры» в непроходимых лесах Южной Америки...

Арсеньева же особенно интересовали Дальний Восток, Центральная Азия, Восточная Сибирь.

И в училище он уже всерьез строит планы будущих путешествий: всесторонне исследовать озеро Байкал и написать книгу о нем, побывать на Памире, в Саянах, на Тянь-Шане, на Дальнем Востоке. Преподаватель военной географии М. Е. Грум-Гржимайло относился к его планам с большим интересом, всячески поощрял их, даже намечал с юнкером конкретные детали будущих экспедиций.

Вот, правда, главного вопроса решить не удавалось: на какие средства снарядить экспедицию, кто может заинтересоваться проектом и финансировать его?..

Юнкер Арсеньев учился отлично. Впрочем, воспитывало его не только училище, он и сам точно знал, каким хочет быть, и сам себя образовывал. Характерная деталь: в годы учебы одной из любимых книг В. К. Арсеньева становится популярная в ту пору книга С. Смайла «Самодетельность» — любопытное сочетание жизнеописаний некоторых великих людей с конкретными советами, как закалять волю, характер, учиться умению добиваться намеченного во что бы то ни стало.

Время окончания училища приближалось, он надеялся выйти в запас. Но в это время военный министр отдал приказ, согласно которому все, кто учился за свой счет, должны были, как и учившиеся за счет государства, отслужить в армии по полтора года за каждый год пребывания в училище.

Значит, впереди еще шесть лет службы...

В 1896 году училище было с отличием закончено. Владимиру Арсеньеву исполнилось двадцать четыре года. Как точно позже написал один из его биографов, «он взял лучшее, что могла дать ему армия: дисциплину, организованность, аккуратность.

Он сумел сохранить в себе лучшее, с чем пришел в армию: любовь к знаниям, верность природе, доброту к людям».

Закончив училище, Арсеньев просился на службу в какой-нибудь из полков, стоявших в Восточной Сибири, но вакансий там не было. Так что служить пришлось в Польше, входившей тогда в состав Российской империи, в городе Ломже. Арсеньев был произведен в подпоручики.

Привычка к постоянному самообразованию, начало которой было уже положено в юношеские годы и которая укрепилась в училище, осталась у В. К. Арсеньева на всю жизнь. И в Ломже, конечно, он продолжал работать над собой. Он много читал — служба оставляла время для чтения. Изучил польский язык. Дома у себя устроил террариум, слава о котором быстро разнеслась по всему городу. И многие приходили посмотреть на собранных в террариуме черепах, змей, ящериц, тритонов, лягушек...

В Ломже он внимательно изучал историю исследования и освоения русского Дальнего Востока; она все больше интересовала его.

Глава

ДОРОГА НА ОКЕАН

4

Давайте, положив перед собой карту, попробуем пройти по ней путями предшественников Владимира Клавдиевича Арсеньева.

Начиная с XVI века российские землепроходцы все дальше и дальше продвигались к востоку от центральной части страны. Этого требовали экономические интересы крепнущего государства. На Урале были ценнейшие запасы железной и медной руды, каменной соли; за уральскими горами простирались просторы, сказочно богатые лесом и пушниной. К тому же где-то там, далеко на востоке, лежал, по слухам, великий океан.

При Иване Грозном у России существовали только одни морские ворота — Архангельск, причем навигация в северных морях была возможна только в короткий летний период. Но быстро развивающейся стране, готовой торговать с другими государствами, необходим был более широкий выход к морю. Позже Петр I будет настойчиво бороться за Балтийское и Черное моря. А пока отряды землепроходцев, идя по Сибири, все дальше продвигались к востоку. К середине XVII века океан был практически совсем близок от основанных русскими в Сибири поселений.

Первым исследователем нижней части Амура, впадающего в океан, стал казачий старшина Василий Поярков, посланный якутским воеводой в 1643 году вместе со 132 казаками на дальнейшую разведку восточных земель. Василий Данилович

Поярков, достаточно образованный по тому времени человек, со своей задачей справился отлично.

Сначала его струги поплыли по огромной и могучей сибирской реке Лене к устью ее притока — Алдану. Плавание по Алдану оказалось очень тяжелым: струги шли на веслах, иногда их приходилось тянуть бичевой. Вплотную к берегам Алдана примыкали нетронутые девственные леса, поражающие величественной красотой.

Еще труднее пришлось отряду, когда струги вышли на воду правого притока Алдана — реку Учур. Реку теснили отвесные скалы, на порогах пеной вскипала вода, течение было бурным. Но и эти трудности оказались куда менее значительными, чем те, что выпали отряду Василия Пояркова на бурной, порожистой, своенравной реке Гонам.

Наступала суровая сибирская зима. Наконец река встала, плыть дальше было нельзя. Пришлось ставить зимовье. С того места, где казаки срубили дома, видны были очертания Станового хребта.

Когда снег плотно покрыл землю, часть отряда Пояркова двинулась дальше на нартах и лыжах. Благополучно перевалив через хребет, Василий Поярков вышел на берега реки Зеи. В этих местах жили племена дауров, которые встретили русских дружелюбно, рассказали им о тех местах, что лежали еще дальше к востоку.

Струги землепроходцев поплыли вниз по Зее. По берегам тянулись пологие холмы, покрытые густым лесом. А вскоре воды Зеи вынесли струги в какую-то еще более полноводную и могучую реку.

Это был Амур.

Приамурские земли показались казакам чудесными и невероятно богатыми. Со стругов были видны косяки рыбы, по берегам местные жители выращивали огурцы, мак, бобы, чеснок, яблоки, груши, грецкие орехи. Как писал Василий Поярков позже, «те землицы людны, и хлебны, и соболины, и всякого зверья много, а те реки рыбны, и государевым ратным в той землеце хлебной скудости ни в чем не будет».

Целое лето струги плыли вниз по реке, глубокой осенью они дошли до устья реки. Здесь, на одном из многочисленных амурских островов, решено было остановиться еще на одну зимовку. Так в Приамурье появилось первое русское поселение.

Путешествие Василия Пояркова — это открытие русскими Дальнего Востока.

Три года спустя началось новое путешествие русских к Амуру. На этот раз его возглавил Ерофей Павлович Хабаров, прослышавший о богатствах дальневосточных земель и решивший попытаться там счастья. Он тоже вышел из Якутска и, как и Поярков, достиг берегов великой реки. В одном из своих донесений он писал якутскому воеводе: «И в той великой реке Амуре рыба — калужка и осетры, и всякой рыбы

много против Волги. А в градах и улусах луги великие и пашни есть, а леса по той великой реке Амуру темные, большие, соболя и всякого зверя много... А в земле злато и серебро виднеется».

По всей Сибири быстро распространился слух о богатствах новой земли. На Амур в поисках счастья потянулись русские люди, строя селения, возделывая землю, занимаясь охотой и рыбной ловлей.

Первый интерес к новым землям — практический, вызванный ее природными богатствами. Географы же заинтересовались ими уже позже. И последовал целый ряд больших и малых экспедиций, принесших важные и интересные результаты.

Крупное географическое открытие было сделано два века спустя после путешествий Пояркова и Хабарова.

Россия получила выход к Тихому океану — ведь еще до путешествий Пояркова и Хабарова землепроходец Иван Москвитин основал в 1639 году первое русское поселение на берегу Охотского моря. Тихоокеанское побережье надо было всесторонне исследовать, выбирая наиболее удобные места для будущих военных и торговых портов. И в 1849 году русский мореплаватель Г. И. Невельской, работая на нескольких небольших судах, окончательно разрешил вопрос, долгое время вызывавший ожесточенные споры географов: что такое Сахалин — остров или полуостров?

Долгое время считалось, что узким перешейком Сахалин связан с материком. Европейские картографы, утверждая это, основывались на материалах экспедиций голландских, английских, французских путешественников. Пройти проливом между материком и островом пытался, например, знаменитый французский исследователь Жан-Франсуа Лаперуз, но отказался от этого, потому что посчитал пролив слишком мелководным. И первый русский кругосветный путешественник И. Ф. Крузенштерн также считал, что Сахалин — полуостров. Однако Г. И. Невельской прошел между азиатским материком и островом Сахалин, и промеры глубин показали, что путь этот вполне судоходен. Позже самое узкое место его — семь с небольшим километров — получило название пролива Невельского.

Сделав открытие, поправившее географические карты, Невельской вошел в устье Амура, основал Николаевский пост, впоследствии ставший городом Николаевском-на-Амуре, и проплыл по реке до озера Кизи.

Ближайшие сподвижники Г. И. Невельского — Н. К. Бошняк, Д. И. Орлов, Н. В. Рудаковский самым тщательным образом обследовали по заданиям своего руководителя остров Сахалин, низовья Амура, составили подробные карты.

В 1854 году после весеннего паводка генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев спустился на баржах и плотах с отрядом забайкальских казаков по Амуру до входа в озеро Кизи. Здесь был основан Усть-Стрелочный пост. В августе

того же года к посту на судне «Надежда» пришел от устья реки знаменитый русский адмирал Е. В. Путятин на фрегате «Паллада».

В 1854—1856 годах большое путешествие по Амуру до его устья и по Уссури совершил академик Л. И. Шренк. Он проводил главным образом этнографические исследования, изучая жизнь, быт, обычаи малых народностей Приамурья.

Два года спустя горный инженер Н. П. Аносов более подробно изучал течение реки Уссури. Он поднялся по ней до Имана (ныне Большая Уссурка). Затем Аносов прошел по реке Сунгаче и по восточному и южному берегам озера Ханка.

В том же году М. И. Венюков, известный географ, впервые пересек горы Сихотэ-Алиня.

Особенно был богат исследованиями 1859 год. Одна экспедиция сменяет другую. Их участники изучают правые притоки реки Уссури и земли на юг, к границам Кореи. Проводятся геодезические работы, уточняются на географических картах направления течений Амура и Уссури.

В 1859 году в Уссурийском крае был и академик К. И. Максимович. Поднявшись по долине Уссури до устья Фудзина (Павловка), пройдя по долине этой реки до ее истоков, он перевалил через Сихотэ-Алинь и вышел к заливу Ольги.

Это была не только географическая экспедиция, но в первую очередь ботаническая. Впервые в большом ботаническом сочинении была описана флора Уссурийского края. К. И. Максимович установил, что она сходна с уже изученной ранее ботаниками маньчжурской флорой.

В одно время с этими экспедициями в Уссурийском крае работал известный натуралист Р. К. Маак. Он прибыл к устью Уссури, чтобы подняться по ней до реки Сунгачи. Потом он проводил исследования на восточном, южном и западном берегах озера Ханка. Ученый собрал громадное количество материала, изучив и описав множество видов растений и насекомых.

И знаменитый путешественник Н. М. Пржевальский тоже отдал дань исследованиям Уссурийского края. Он был здесь в 1867—1869 годах. Поднявшись по рекам Уссури и Сунгаче, Пржевальский изучал окрестности озера Ханка. Потом он вышел к городу Владивостоку, основанному в 1860 году.

Из Владивостока маршрут Пржевальского пролегал по побережью Японского моря на реку Сучан (Партизанская), реку Судзуке (Киевка), а дальше к посту Ольги и заливу Владимира. Исследования Пржевальского завершились маршрутом через Сихотэ-Алинь на Фудзин и Уссури.

Четыре года спустя была проведена большая инструментальная съемка прибрежной полосы Зауссурийского края партией топографов под начальством Л. Л. Большева. На карту легли точные, выверенные очертания линии побережья от залива Рында к северу.

Интересные археологические открытия сделал основатель Общества изучения Амурского края Ф. Ф. Буссе. В 1883—1889 годах, совершив несколько экспедиций, исследователь открыл ряд городищ, которые были оставлены древнейшим населением края, и изучил некоторые из них...

Множилось число экспедиций, работавших здесь, в Амурском крае. Маршруты их пролегали в разные стороны, в составе экспедиций были географы, топографы, ботаники, зоологи, этнографы, археологи. Их совместными усилиями уточнялись географические карты, изучались коренные народности, издревле населявшие эти земли, описывались растения, птицы, животные, насекомые, полезные ископаемые.

Все больше и больше открывался удивительный, самобытный, несравнимый с другими местами край.

Где еще можно увидеть в лесах удивительные растения, ствол которых на высоте человеческой груди резко, под углом почти в девяносто градусов, наклоняется в сторону?

В каком другом месте Земли можно найти чудесное растение, в короткий срок ставшее легендарным, — женьшень, корень, который возвращает человеку силы и здоровье? Где встретишь столь же красивые речные, лесные, горные ландшафты?

Здесь бродят животные, которых тоже нигде больше не встретишь, — уссурийский тигр, пятнистый олень, красный волк, уссурийский олень.

Реки, что в изобилии, во всех направлениях, протекают в этом лесном крае, полны рыбой, ее, кажется, можно просто ловить руками.

Местные жители — самые искусные охотники на свете. Они знают все повадки зверей, с неповторимым умением читают их следы, в любое время знают, где найти того или иного зверя, могут подойти к нему, не возбудив беспокойства животного...

Правда, русский Дальний Восток называли в ту пору в стране Окраиной. Не очень лестное название. А справедливое? По сути, да: действительно далекая, самая далекая окраина громадного государства.

Но ведь эта окраина была так нужна России!

Страна обрела выход к Тихому океану. Из тихоокеанских портов торговые корабли куда быстрее дойдут до южных стран, чем из русских портов на Балтике или в Черном море.

Государство получило возможность использовать огромные рыбные богатства Тихого океана.

И наконец, в случае необходимости оно могло защищать боевыми кораблями восточные русские земли.

И в Уссурийском крае, быстро осваиваемом, появляются поселки, города, прокладывается железная дорога...

Однако неизвестного на его карте пока все-таки оставалось значительно больше, чем уже изученных, освоенных мест.

В южной части Уссурийского края уже проходила быстро построенная железная дорога, проложены были почтовые тракты, грузовые и проселочные дороги. Тайга была прорезана множеством троп, которые проложили охотники за целебным женьшенем или промышлявшие зверя. К тому же здесь жило сравнительно много людей, в том числе и русские, давно освоившие эти земли.

«В каждой долине, — писал позже В. К. Арсеньев об этих местах, — в глухих горах, в любом ключике всегда можно найти тропинку, которая непременно приведет путника к маленькой звероловной фанзочке».

Северная же часть оставалась еще огромным белым пятном. Здесь не было никаких дорог — только звериные тропы. Это была громадная «лесная пустыня». По ней можно было идти целыми неделями и не встретить ни единого человека. Правда, по берегам рек стояли кое-где крытые корьем и берестой полуразвалившиеся жилища лесных жителей-охотников; но они часто кочевали, переходя с места на место, встретиться с ними было трудно.

Многие из белых пятен Уссурийского края и предстояло стереть с географических карт Владимиру Клавдиевичу Арсеньеву во время экспедиций, которые продлятся около тридцати лет.

Причем он станет исследователем-универсалом: географом, картографом, зоологом, геологом, даже метеорологом.

Но это позже. Пока же подпоручик Арсеньев тщетно добивается перевода на Дальний Восток, предпочитая нетрудной службе в каком-нибудь крупном городе, где офицер его способностей и знаний, несомненно, быстро продвигался бы по служебной лестнице, тяготы предстоящей жизни далеко от центра России.

Командование дивизии против. Арсеньев продолжает настаивать.

И все-таки после долгих проволочек он добивается своего: его произвели в поручики и перевели в 1-й Владивостокский крепостной пехотный полк.

Уже много позже Арсеньев будет вспоминать:

«Я уже перечитал всю имевшуюся об этой стране литературу. Когда мечта моя сбылась и я выехал на Дальний Восток, сердце мое замирало от радости в груди. Среди моих попутчиков оказались люди, уже бывавшие на берегах Великого океана. Я расспрашивал их о тайге и о ее четвероногих обитателях. Больше всего меня интересовал тигр. Он казался мне каким-то особенным существом, и я начинал его почти так же боготворить, как и амурские туземцы».

Сегодня это просто: путешественник, вылетевший из московского аэропорта Домодедово, окажется во Владивостоке меньше чем через десяток часов.

Можно избрать и другой путь, более продолжительный, но зато и более интересный: на Ярославском вокзале в Москве сесть в поезд и совершить увлекательнейшее пятидневное путешествие через всю страну до Владивостока.

Маршрут пройдет через города, каждый из которых по-своему знаменит, каждый вошел в историю государства: Горький, Пермь, Свердловск, Омск, Новосибирск, Красноярск, Иркутск, Хабаровск.

Поезд прогрохочет по мостам над Волгой, Иртышом, Обью, обогнет озеро Байкал. Самые разные ландшафты будут меняться за окнами, природа почти всей страны пройдет перед глазами пассажира.

Это знаменитая Транссибирская магистраль.

В 1900 году добраться до Владивостока было неизмеримо труднее.

Медлительные поезда ходили только до Байкала, дальше путейцы только начинали работу. Пассажиру приходилось пересаживаться на лошадь, чтобы продолжить путь. И наверное, Арсеньев, так стремившийся в манящий его Уссурийский край, изнывал от нетерпения, скорость должна была казаться ему черепашей.

И все-таки у Байкала поручик на некоторое время задержался: ведь он увидел озеро, о котором так мечтал в юнкерском училище. Даже книгу хотел писать о своих предстоящих исследованиях «сибирского моря», самым подробным образом намечая со своим наставником М. Е. Грум-Гржимайло планы будущих исследований...

Потом — на лошадь и снова в путь. 5 августа 1900 года Арсеньев прибыл на место службы.

И вот он, Владивосток!

Сегодня это красивейший город, здания которого, если смотреть с моря, уступами поднимаются вверх, город с прямыми улицами и красивыми зданиями, сверкающий вечерами множеством огней. Город, который называют воротами страны в Тихий океан, с портом, где стоят великаны-суда, выходящие отсюда в самые дальние концы Земли...

А тогда Владивосток назывался не городом, а крепостью. Он только-только начинал отстраиваться. Улицы были немогущими, во время дождей они превращались в непроходимые болота. Там, где сейчас раскинулись парки и площади, бродили в лесах стада оленей и косуль.

Население крепости Владивосток было малочисленным, не существовало ни театров, ни газет, ни журналов. Неудиви-

тельно, что главным развлечением жителей, особенно офицеров, была карточная игра. И мало кого интересовали все те природные чудеса, которыми был очарован Арсеньев с первых же дней службы на Дальнем Востоке.

Их много было, этих чудес.

Растения — например, мавзолейная сосна, на которой словно бы нарисованы какие-то таинственные иероглифы, лечебная коломикта, лимонник.

Морские животные — громадные медузы, гигантские скаты...

Рядом с Владивостоком, словно огромное живое существо, мерно дышал приливами и отливами Великий Тихий океан. В бухте Золотой Рог близ крепости покачивались на волне корабли. Вода океана имела свойство менять цвет в зависимости от времени суток и погоды; она могла быть голубой, зеленой, даже желтой...

В крепость иногда приезжали лесные люди, одетые в причудливые одежды, украшенные вышивкой, для обмена даров тайги — подстреленной косули или оленя — на какие-нибудь городские продукты, порох, патроны. Лесные люди называли себя удэгейцами, орочами, гольдами.

И совсем рядом с крепостью начиналась тайга — где-то там рос женьшень, бродили тигры...

Поручик Арсеньев в свободное время часто уходил бродить по окрестностям Владивостока, взбирался на сопки, сидел на берегу океана, держа какую-нибудь книгу в руке.

Впечатлений было множество, каждый день приносил новые. Но это были не просто впечатления человека, очарованного тем, что он видит, а впечатления вдумчивого, прирожденного исследователя, давно и много размышляющего о том, что значит в жизни человечества природа, о неразрывной связи всего живого.

Позже В. К. Арсеньев поразится тому, как точно и просто, хотя и бесконечно наивно, выразит эту же мысль старый и мудрый человек, герой его знаменитой книги, лесной житель, гольд Дерсу Узала:

«Дерсу взял котелок и пошел за водой. Через минуту он возвратился, крайне недовольный.

— Что случилось? — спросил я гольда.

— Моя река ходи, хочу воду бери, рыба ругается.

— Как ругается? — изумились солдаты и покатались со смеху.

Наконец я узнал, в чем дело. В тот момент, когда он хотел зачерпнуть котелком воды, из реки выставилась голова рыбы. Она смотрела на Дерсу и то открывала, то закрывала рот.

— Рыба тоже люди, — закончил Дерсу свой рассказ. — Его тоже могу говорить, только тихо. Наше его понимай нету».

Место человека в природе и место природы в жизни человека... Удивительное многообразие окружающего мира, невероятное обилие видов живой природы — чем оно вызвано? Не

обеднеют ли это царство и сам человек, если он в чем-то нарушит взаимосвязь между собой и природой?..

Владимир Клавдиевич Арсеньев, уже вооруженный обширными знаниями, полученными из книг, и попавший наконец в тайгу, куда он так стремился, все больше и больше думал об этом.

Свои короткие пешие походы вокруг Владивостока он не прекращал. Однако прошло немало времени, прежде чем он совершил первый дальний поход в тайгу. Сначала он командовал ротой в полку, исполнял должность заведующего учебной командой, затем некоторое время был полковым квартирмейстером. А в январе 1903 года, когда ему шел тридцать первый год, стал начальником отряда разведчиков-добровольцев. Официально отряд назывался Владивостокской крепостной конноохотничьей командой, но поручено ему было составлять подробные карты окрестностей Владивостока. Цель этих работ была чисто военной, отношения России и Японии были напряженными, на случай военных действий нужно было хорошо знать топографию края.

И вот тогда наконец Уссурийская тайга стала открывать свои тайны человеку, который так мечтал о встрече с ней. Недели Арсеньев проводил в лесах, совершая все более дальние походы. Впрочем, нет, конечно, — не тайга открывала тайны, тайны Уссурийского края надо было открывать самому. И Арсеньев смело вступил на тернистый путь исследователя.

В тайге причудливо смешивались, например, северные и южные породы деревьев. Их было множество: кедр, черная береза, амурская пихта, ильм, тополь, сибирская ель, маньчжурская липа, даурская лиственница, ясень, монгольский дуб, пробковое дерево, маньчжурский орех...

Тайга была настолько густой, что уже в нескольких шагах буквально ничего нельзя было разглядеть. В 4—5 метрах можно было поднять с лежки зверя и лишь по шуму и треску сучьев угадать то направление, куда он уходит.

Человек порой чувствовал себя беспомощным, бессильным перед мощью тайги. Некоторые растения, например дудник даурский, были настолько живучи, что для земледелия в некоторых местах нельзя было отвоевать и клочка земли — тайга тут же снова надвигалась на пашню.

В летние дни в тайге царила полная тишина, казалось, в ней не было ничего живого. Зато когда наступали осенние холодные и лунные ночи, тайга оживала. Ревели изюбры. Можно было услышать голос тигра: он тоже ревет, подражая изюбру, чтобы подозвать его к себе, но в конце рева хищника все-таки изобличает короткое мурлыканье.

Однако, как оказалось, Уссурийская тайга — это не только край лесов. Часто леса расступаются, чтобы дать место невысоким горам-сопкам. А вдобавок здесь множество рек. Стоит только найти хоть маленький ручеек, и, если пройти вдоль него

хотя бы день, обязательно выйдешь к такой речке, по которой можно уже плыть на лодке. И еще много болот, которые встречаются не только в низинах, но порой и на склонах гор, и даже на перевалах.

Первыми экспедициями Арсеньева были походы в долину реки Сучан (Партизанская) и Судзухе, в район залива Ольги. Спутники его, как правило, оставались постоянными — добровольцы из солдат Владивостокского гарнизона. Экспедиции, помимо прямой задачи — составления военных карт, дали немало интересных научных результатов: были уточнены направления течения некоторых рек, описана прибрежная флора. Во время этих путешествий Арсеньев тщательно, аккуратно вел подробные, но вместе с тем лаконично точные по изложению дневники.

По этим дневникам можно проследить, как все точнее становится глаз наблюдателя, как путешественник становится путешественником-исследователем, знающим уже, как называется тот или иной вид растения или отчего меняется направление ветра, в какие экспедиционные дни ждать тумана, а когда хорошей погоды...

Становлению исследователя способствовал не только личный экспедиционный опыт. Здесь, во Владивостоке, тоже нашлись возможности для пополнения знаний: Арсеньев познакомился с некоторыми учеными, которые не скупились делиться тем, что знали сами, с любознательным армейским поручиком, столь искренним в своем желании всесторонне изучать Уссурийский край. Надо сказать, что было и благожелательное отношение к поручику Арсеньеву со стороны начальства: без этого в условиях царской армии он вряд ли мог бы иметь столь много свободного времени для исследовательской работы.

Полковник Орлов, непосредственный начальник Арсеньева, оказался, по счастью, человеком честным и прямым. Он прекрасно знал, что большинство офицеров службу на Дальнем Востоке считают наказанием, ссылкой. Отсюда полное отсутствие интереса к служебным обязанностям.

А поручик Арсеньев, напротив, сам рвался в Уссурийский край, добился этого, несмотря на все препятствия.

Это был исключительный случай, такой офицер не мог не вызывать уважения. Сам образованный человек, Орлов не мог не ценить Владимира Клавдиевича и за ум, знания, за стремление постоянно пополнять их. Он не переставал наставлять поручика перед его походами в тайгу: надо вести подробные дневники, делать карты, учить языки местных жителей.

Именно к этому стремился и сам Владимир Клавдиевич Арсеньев.

Он познакомился с Николаем Александровичем Пальчевским — лесничим Уссурийского казачьего войска по должности и ботаником и краеведом по склонности. Пальчевский, как

считал В. К. Арсеньев, стал первым его научным руководителем в начатом молодым поручиком многолетнем исследовании Уссурийского края. Он часто выезжал в тайгу вместе с Арсеньевым, рассказывал ему об особенностях природы края, о различных дальневосточных растениях. Он же познакомил молодого исследователя с учеными-краеоведами М. Г. Шевелевым, В. П. Маргаритовым, Н. В. Слюпиним, снабжал его необходимыми картами, затем привлек к работам Общества изучения Амурского края.

Люди эти, уже известные на Дальнем Востоке своими научными трудами, оказали на Арсеньева большое влияние. М. Г. Шевелев сообщил немало сведений по истории и археологии, предоставил в распоряжение поручика карты, где были показаны остатки городищ древнейшего населения Уссурийского края, изучение которых начал еще основатель Общества изучения Амурского края археолог Ф. Ф. Буссе.

Несколько этих памятников старины исследовал и В. К. Арсеньев, дав их подробное описание: размеры, внешний вид, точное местоположение, сделав зарисовки. Как жалел он, должно быть, что не был археологом! Ведь, раскопав городища, столько интересного можно было бы узнать. И все же описания эти можно назвать его первой научно-исследовательской работой.

Позже только один перечень работ Арсеньева — по самым разным вопросам, так или иначе связанным с изучением Уссурийского края, — займет несколько страниц...

Тогда же В. К. Арсеньев послал интересные экспонаты — образцы одежд, оружия, зарисовки жилищ малых народностей Уссурийского края — в музеи Петербурга и Москвы.

И в Кунсткамеру, из залов которой мальчишкой когда-то он так не хотел уходить. Может быть, какой-то другой мальчишка будет, восхищенно раскрыв глаза, рассматривать в витрине удэгейское копье, как сам он смотрел на другие редкие и чудесные вещи...

Глава

6

УССУРИЙСКИЙ СЛЕДОПЫТ

Книга наша посвящена Владимиру Клавдиевичу Арсеньеву. Но нельзя в ней не уделить внимания еще одному человеку. Потому что во взаимоотношениях с ним особенно ярко проявляются все характерные черты самого Арсеньева. Потому что человек этот оказал на него очень большое влияние. Не будет, пожалуй, преувеличением, если мы скажем: человек, о котором пойдет речь, во многом укрепил и без того быстро растущий интерес В. К. Арсеньева к этнографии, а вдобавок вызвал у него желание рассказать многим другим людям о своих путешествиях в форме художественных произведений.

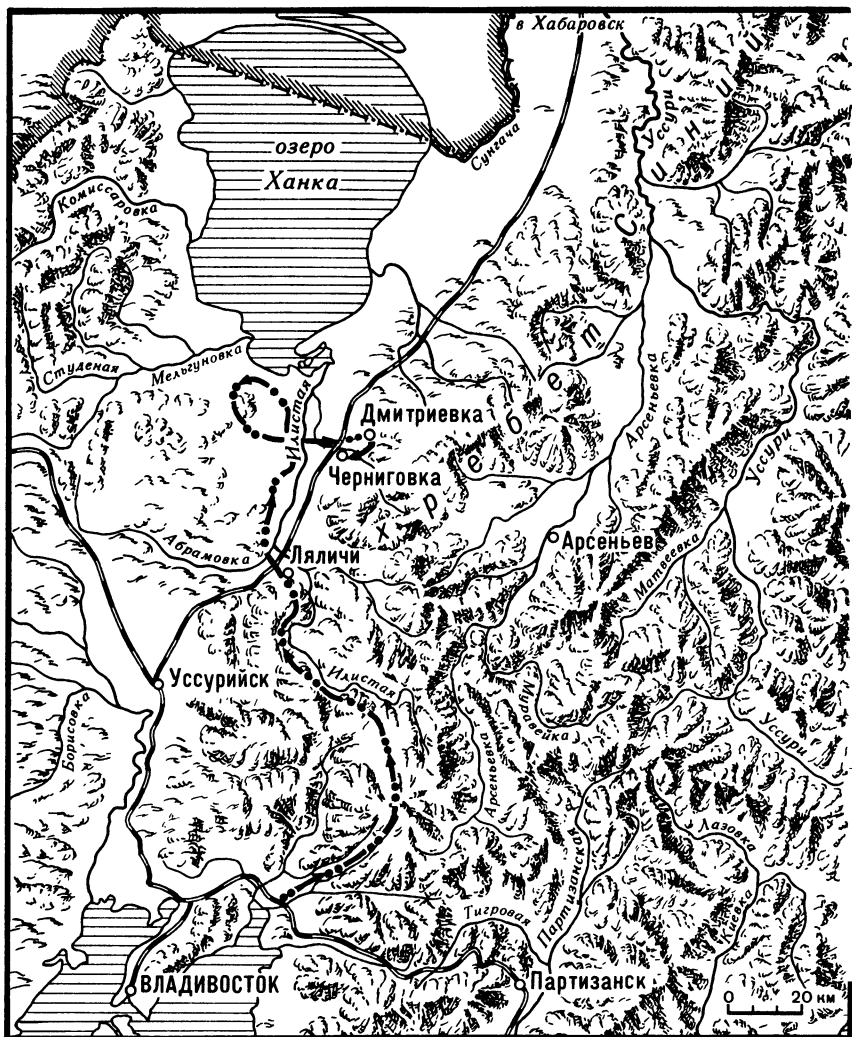

Рис. 1 Маршрут экспедиции В. К. Арсеньева. (1902 г.)

...Экспедиции 1902 года, как описывал их позже Арсеньев, внешне ничем не отличались от предыдущих: походы в тайгу, обследование рек и речек, таежных троп, перевалов. Те же дожди, таежная мошка, ночные холода. Обычной поначалу была и очередная из них.

С отрядом из шести человек Арсеньев поднимался вверх по одной из рек, чтобы исследовать перевалы в горном узле, откуда брали начало сразу четыре таежные реки. Затем предстояло осмотреть таежные тропы возле озера Ханка и вблизи Уссурийской железной дороги.

Когда экспедиция вышла наконец на тот горный узел, который искала, Арсеньев (видел бы его кто-нибудь из петербургских знакомых в эти минуты!) сам залез на высокое дерево, чтобы, осмотревшись, определить местоположение отряда. Как считал он, никакое описание не могло заменить личных наблюдений, начальник экспедиции должен был видеть местность собственными глазами.

Был разбит бивак на ночь. Все шло как обычно...

«Вдруг лошади подняли головы и насторожили уши; потом они успокоились и опять стали дремать. Сначала мы не обратили на это особого внимания и продолжали разговаривать. Прошло несколько минут. Я что-то спросил Олентьева и, не получив ответа, повернулся в его сторону. Он стоял на ногах в выжидательной позе и, заслонив рукой свет костра, смотрел куда-то в сторону.

— Что случилось? — спросил я его.

— Кто-то спускается с горы, — ответил он шепотом.

Мы оба стали прислушиваться, но кругом было тихо, так тихо, как только бывает в лесу в холодную осеннюю ночь. Вдруг сверху посыпались мелкие камешки.

— Это, вероятно, медведь, — сказал Олентьев и стал заряжать винтовку.

— Стреляй не надо! Моя люди!.. — слышался из темноты голос, и через несколько минут к нашему огню подошел человек.

Одет он был в куртку из выделанной оленьей кожи и такие же штаны. На голове у него была какая-то повязка, на ногах унты, за спиной большая котомка, а в руках сошки и старая длинная берданка.

— Здравствуй, капитан, — сказал пришедший, обратясь ко мне.

...Это был человек невысокого роста, коренастый и, видимо, обладавший достаточной физической силой. Грудь у него была выпуклая, руки — крепкие, мускулистые. Ноги немного кривые. Загорелое лицо его было типично для туземцев: выдающиеся скулы, глаза с монгольской складкой век и широкий рот с крепкими зубами. Небольшие русые усы окаймляли его верхнюю губу, и маленькая рыжеватая бородка украшала подбородок. Но всего замечательнее были его глаза. Темно-серые, но не карие, они смотрели спокойно и немного наивно. В них сквозили решительность, прямота характера и добродушие.

...Пока он ел, я продолжал его рассматривать. У его пояса висел охотничий нож. Очевидно, это был охотник. Руки его были загрубелые, исцарапанные. Такие же, но еще более глубокие царапины лежали на лице: одна на лбу, а другая на щеке около уха. Незнакомец снял повязку, и я увидел, что голова его покрыта густыми русыми волосами; они росли в беспорядке и свешивались по сторонам длинными прядями...

— Тебя как зовут? — спросил я незнакомца.

— Дерсу Узала, — отвечал он.

Меня заинтересовал этот человек. Что-то в нем было особенное, оригинальное. Говорил он просто, тихо, держал себя скромно, не заискивающе. Мы разговорились. Он долго рассказывал мне про свою жизнь, и чем больше он говорил, тем становился симпатичнее. Я видел перед собой первобытного охотника, который всю свою жизнь прожил в тайге. Из его слов я узнал, что средства к жизни он добывал ружьем и предметы своей охоты выменивал на табак, свинец и порох, и что винтовка досталась ему в наследство от отца. Потом он рассказал мне, что теперь ему пятьдесят три года, что у него никогда не было дома, он вечно жил под открытым небом и только зимой устраивал себе временную юрту из корья или бересты...

Вот так Владимир Клавдиевич Арсеньев описывает первую встречу с человеком, который станет верным спутником исследователя во многих странствиях по Уссурийскому краю и самым настоящим, преданным другом, даст ему множество новых знаний, которые не почерпнешь ни в одной из книг.

Еще один короткий фрагмент из арсеньевского описания первой встречи. Выбран он потому, что хорошо подчеркивает одну из самых характерных черт Владимира Клавдиевича — доброту к людям:

«Первые проблески его детских воспоминаний были: река, шалаш, огонь, отец, мать и сестренка.

— Все давно помирай, — закончил он свой рассказ и задумался. Он помолчал немного и продолжал снова: — У меня тоже раньше жена была, сын и девчонка. Оспа все люди кончай. Теперь моя один остался...

Лицо его стало грустным от переживаемых воспоминаний. Я пробовал было его утешить, но что были мои утешения для этого одинокого человека, у которого смерть отняла семью, это единственное утешение в старости. Он ничего мне не отвечал и только еще более поник головой. Хотелось мне как-нибудь выразить ему свое сочувствие, что-нибудь для него сделать, и я не знал, что именно. Наконец я надумал: я предложил обменять его старое ружье на новое, но он отказался, сказав, что берданка ему дорога как память об отце, что он к ней привык и что она бьет очень хорошо. Он потянулся к дереву, взял свое ружье и стал гладить рукой по ложу...

С этого момента и начинаются совместные путешествия В. К. Арсеньева и гольда Дерсу Узала.

Утром экспедиция собралась продолжить маршрут. Для человека, живущего в тайге, путь был открыт во все стороны. И, по какому-то молчаливому согласию с Арсеньевым, Дерсу пошел вместе со всеми.

Тотчас же начались настоящие чудеса, поразившие всех участников похода.

Дерсу стоило бросить взгляд на тропу, чтобы сказать, что

«тропа эта не конная, а пешеходная, что идет она по соболиным ловушкам, что несколько дней назад по ней прошел один человек».

Доказательства были просты, но неоспоримы: по сторонам тропа не очищена от ветвей, и видно было, что лошади то и дело задевали за ветки вьюками. Вдобавок повороты были так круты, что лошади не смогли бы здесь повернуться; значит, тропа действительно не была приспособлена для того, чтобы по ней ходили вьючные лошади.

А как он узнал, что человек прошел по тропе несколько дней назад? «Люди ходи кончай, дождь ходи,— и он стал высчитывать, когда был последний дождь».

Для этого человека, всю жизнь проведенного в тайге, не существовало лесных тайн. Если он видел срубленное дерево, то тут же определял, например, что его рубили два человека, у одного, высокого, топор был тупой, а у другого, низкорослого, острый. По следам, оставленным животными, Дерсу мог угадать их возраст и пол, по другим приметам мог точно предсказать, когда начнется дождь, а когда будет хорошая погода.

Перед Арсеньевым был самый настоящий следопыт, словно бы сошедший со страниц так любимых им в детстве романов Фенимора Купера.

Этот неграмотный, первобытный человек, наивно верящий в то, что и огонь, и вода, и камень — живые существа — «его тоже все равно люди», — сохранил в себе вдобавок качества, каких не было у многих его современников, несравненно дальше продвинувшихся вперед по ступеням цивилизации. Проходя, например, мимо пустой охотничьей хижины, он заботился о том, чтобы оставить в ней спички, соль, рис. «Какой-какой другой люди ходи. Сухие дрова найди, спички найди — пропади нету».

«Я вспомнил,— писал позже Арсеньев в своей книге,— что мои люди, уходя с бивака, всегда жгли корье на кострах. Делали это они не из озорства, а так, просто ради забавы, и я никогда их не останавливал. Этот дикарь был гораздо более человеколюбивее, чем я. Забота о путнике!.. Отчего же у людей, живущих в городах, это хорошее чувство, это внимание к чужим интересам заглохло, а оно, несомненно, было ранее».

И уже во время первого же совместного путешествия гольд ни больше ни меньше спас Арсеньеву жизнь!

Это произошло, когда, оставив остальных спутников на биваке, они отправились вдвоем к берегам озера Ханка, неглубокому водоему с большей частью заболоченными берегами и густо заросшему камышом, озеру, в которое впадают реки Лифу, Мо, Синтуха и где водятся калуга, сазан, есть промысел ондатры.

Еще не очень опытный путешественник, Арсеньев не обратил внимания на то, что погода портится. От озера Ханка навстречу двум путникам в беспорядке летели стаи птиц. Но впереди сквозь темные тучи просвечивало все-таки солнце, и Владимиру

Клавдиевичу это казалось добрым предзнаменованием.

Дерсу, следуя за ним, с сомнением покачивал головой.

От ураганных порывов ветра вода в мелководном озере вскипала, как в чайнике. Берег был болотистым, поросшим высокой травой; здесь не было ни единого деревца, ни кустика. Через несколько минут после того, как путешественники вышли к озеру, повалил снег, который очень быстро превратился в жестокую пургу.

Положение было трудным. Не было ни теплой одежды, ни огня. Оба быстро промокли, легко можно было погибнуть от холода. Но Дерсу не потерял присутствия духа.

Из охапок быстро нарезанной высокой болотной травы он соорудил подобие шалаша, высокую стоячую траву над ним он стянул ремнями, защитив таким образом шалаш от ураганных порывов ветра, и шалаш мгновенно занесло снегом.

В этом шалаше, под метровым снеговым покровом, было тепло; снег, который мог бы погубить путников, спас им жизни. Проведя в шалаше около двенадцати часов, Арсеньев и Дерсу, когда пурга стихла, благополучно выбрались наружу.

«Первое, что я сделал,— писал Арсеньев в книге,— поблагодарил за спасение.

— Наша вместе ходи, вместе работай. Спасибо не надо.

И, как бы желая перевести разговор на другую тему, он сказал:

— Сегодня ночью много людей пропади.

Я понял, что люди, о которых говорил Дерсу, были пернатые...»

Первое совместное путешествие оказалось коротким. Экспедиции пришла пора возвращаться во Владивосток. Дерсу снова собирался идти в тайгу. Во Владивосток, куда звал его Арсеньев, идти он не хотел. «Нет, спасибо, капитан. Моя Владивосток не могу ходи. Чего моя там работай? Охота ходи нету, соболя гоняй тоже не могу, город живи — моя скоро пропади».

Возле деревни Дмитриевка на Уссурийской железной дороге Арсеньев простился с Дерсу. Старый следопыт снова ушел в тайгу...

Но они еще встретятся. И Дерсу научит В. К. Арсеньева многим лесным, да и житейским премудростям, и путешественник благодаря этим урокам сам сможет читать великую «книгу» тайги почти так же хорошо, как читал ее сам старый и мудрый охотник.

А пока, во время разлуки, которая продлилась несколько лет, Арсеньев, как он пишет в книге, часто вспоминал Дерсу, размышляя о том, какая неожиданная глубина мыслей, чувств таилась в этом человеке, по сути первобытном, ничего не видевшем в жизни, кроме тайги. И о том, что люди, вроде бы стоящие на разных полюсах цивилизации, вышедшие словно бы из разных ее веков, как бы по-разному ни называли

одни и те же вещи, как бы по-разному они ни чувствовали, чувствуют и переживают одно и то же...

...А теперь надо сказать о том, что дата встречи В. К. Арсеньева с Дерсу Узала — 1902 год, — указанная им самим, на самом деле... неверна. В действительности встреча произошла четыре года спустя на реке Тадуши, и это подробно описано в путевом дневнике, который Владимир Клавдиевич вел в 1906 году. В чем же тут дело?

Книга «По Уссурийской тайге», к которой мы обратились, художественная, автор имел право, взяв за основу действительные события, на определенный вымысел — для более выразительного решения своего замысла. В книге он сделал свое знакомство с Дерсу более продолжительным, отнес начало его на более раннее время. И «литературная версия» даты первой встречи с охотником-гольдом, которую сам Владимир Клавдиевич никогда не считал нужным опровергать, из раза в раз повторялась потом и в биографиях исследователя, и в воспоминаниях современников о нем.

Впрочем, разве что-нибудь меняет такая неточность в истории великой дружбы двух замечательных людей?

Глава | ДЕРСУ УЗАЛА И «ДЕРСУ УЗАЛА» 7

Владимир Клавдиевич Арсеньев все больше и больше ощущал себя путешественником-исследователем. Освоение нового края с его богатейшими природными ресурсами немислимо было без серьезной научной работы. Он и вел ее, для того чтобы вслед за ним в уссурийскую тайгу пошли другие люди, вооруженные знаниями, которые он соберет для них. Чем больше Арсеньев работал, тем полнее чувствовал, что здесь, за тысячи верст от Петербурга, нашел он свое призвание, что с Приморьем судьба его связана окончательно.

Все, что относилось к Приморскому краю, живо интересовало исследователя.

Край был неповторим и неизмеримо богат — лесами, целебными травами и растениями, редкими животными, рыбой, рудами ценных металлов, золотом. Что нужно для того, чтобы богатства эти приносили людям пользу и в то же время не истощались из-за хищнического потребления, чтобы рыбные запасы воспроизводились, не оскудевая, чтобы целебные травы не исчезали?..

Конечно, прежде всего для этого край надо было в совершенстве изучить. До тонкостей знать гидрографию рек, климатические условия, привычки животных, закономерности произрастания растений.

Если на одну карту наложить маршруты всех экспедиций, совершенных Владимиром Клавдиевичем за три десятка лет,

они сложатся в густую, запутанную сетку. Маршруты идут в самых разных направлениях, пересекаются, плотно покрывая нескончаемые пространства Уссурийского края. Арсеньев действительно прошел его вдоль и поперек и во многих местах был первым из исследователей.

Лесные жители — орочи, удэгейцы — привыкли к нему и узнавали; они не раз видели этого сухощавого, выше среднего роста человека с голубыми глазами то пробирающимся вверх по течению какой-нибудь из таежных рек, то собирающим образцы растений, то поздно вечером у костра на биваке записывающим в путевой дневник все примечательное, что случилось за день.

Все, что происходит в тайге, живо интересует исследователя.

Он подмечает, например, что быстрота подъема уровня таежных рек, большая скорость течения и низкая температура воды ограничивают распространение рыб и даже некоторых водных растений и мхов, какие обычны для рек в других областях и районах.

Он записывает местные названия горных хребтов, сопок, рек, уточняет, как эти названия переводятся на русский язык. Он ведет метеорологические наблюдения.

Собирает легенды и предания местных жителей.

Составляет с помощью несложных топографических инструментов — буссоли, шагомера — карты тех районов, где не бывал еще никто из исследователей.

Записывает рецепты таежной народной медицины, широко использующей целебные травы, которыми так богата Уссурийская тайга.

Любопытно, что в походах Владимир Клавдиевич вел не один, а сразу несколько дневников. Толстые тетради в коленкоровых переплетах служили для разных целей. Один дневник был путевым, другой геологическим, третий этнографическим, четвертый метеорологическим и т.д. При обработке собранных материалов такое разделение во многом облегчало работу. Факт этот лишний раз подчеркивает, каким организованным и собранным человеком был Владимир Клавдиевич Арсеньев, как рационально и в то же время просто организовывал свои научные исследования.

В эти первые годы путешествий по Уссурийскому краю у него складываются твердые, неизменные правила организации экспедиции, которым потом он неукоснительно следовал всю жизнь. В те времена, когда путешественник уходил в тайгу без рации и всякая связь с внешним миром прерывалась порой на долгие месяцы, необходимо было предусмотреть каждую мелочь и все же взять с собой лишь минимум вещей. Так, например, В. К. Арсеньев всегда брал с собой в экспедицию... только половинку бинокля. Не всегда брал фотоаппарат — в ту пору они были весьма громоздкими, — считая, и вполне справедливо (он умел обращаться с карандашом),

что и сам сможет зарисовать что-то интересное, встретившееся в тайге.

Но зато непременно он захватывал в тайгу флаконы с луковым соком, шиповник, коломикту, сушеную черемшу: необходимо было позаботиться о витаминном, противоцинготном рационе.

Бесконечные хлопоты по организации экспедиции самому В. К. Арсеньеву, по-видимому, казались занятием приятным. В той же книге «По Уссурийской тайге», о которой уже упоминалось, он подробно описывает снаряжение одной из своих экспедиций: одежду летнюю и зимнюю, накомарники, постели, седла и вьюки для лошадей, инструменты для научной работы, кухонную утварь, пилы, топоры, лопаты, приводит запас продуктов...

Читая эти строки, нельзя не почувствовать: этот человек был прирожденным путешественником, которому тесно было в замкнутых городских пространствах.

Действительно, его постоянно и неудержимо тянуло в путь — он сам очень хорошо и точно написал об этом сразу же после того, как привел длинный реестр экспедиционного снаряжения:

«Накануне отъезда всегда много хлопот. Надо все обдумать, вспомнить, не забыли ли что-нибудь, надо послать телеграммы, уложить свои вещи, известить то или иное лицо по телефону и т.д. Целый день бегаешь по городу, являешься к начальнику и делаешь последние распоряжения. Вечер уходит на писание писем. Ночью почти не спишь. Все время беспокоит одна и та же мысль: все ли сделано и все ли взято. На другой день чуть свет вы уже на ногах. Последние ваши хлопоты на вокзале около касс. Наконец ударил станционный колокол, раздался свисток и поезд тронулся. В эту минуту чувствуешь, как какая-то неимоверная тяжесть свалилась с плеч. Все беспокойства остались позади. Сознание, что ровно год будешь вне сферы канцелярских влияний и ровно год тебя не будут беспокоить предписаниями и телефонами, создает душевное равновесие. Чувствуешь себя свободным; за работу принимаешься с удовольствием и сам себе удивляешься, откуда берется энергия...»

Но экспедиции пришлось прервать: в 1904 году разразилась русско-японская война. Она на время оторвала В. К. Арсеньева от исследований Уссурийского края, и она же — вот парадокс! — стала причиной того, что следующие его экспедиции становятся неизмеримо масштабнее, охватывают гораздо большие участки тайги.

Как офицера, уже пользующегося репутацией отличного и всестороннего знатока Приморья, В. К. Арсеньева, произведенного в штабс-капитаны, назначили командиром сразу нескольких отрядов разведчиков. Ему нередко приходилось бывать на границе с Кореей — оттуда ждали возможного нападения. Разведчикам не раз приходилось захватывать вражеских лазут-

чиков, в качестве которых японцы использовали корейцев.

Личная храбрость офицера была высоко оценена: он получил два ордена и медаль. Но вот оно, еще одно белое пятно в биографии В. К. Арсеньева: до сих пор неизвестно, за какие именно военные заслуги он был удостоен наград. Есть, правда, сведения о том, что он принимал участие в спасении экипажа русского корабля «Изумруд», пострадавшего в Цусимской битве и выбросившегося на камни в бухте Владимира. Зато другой факт известен достоверно: в конце 1905 года на храброго и способного офицера обратили внимание в штабе Приамурского военного округа, который размещался в Хабаровске, и Арсеньев переехал в город на Амуре.

Уже и в ту пору этот красивый город с пятидесятитысячным населением, основанный в 1858 году, можно было назвать довольно крупным научным центром. Вот только некоторые из людей, так или иначе связанных с исследованиями Уссурийского края, с которыми познакомился Арсеньев на новом месте: зоолог-герпетолог А. А. Емельянов, краевед-охотовед Н. А. Дзюль, востоковед П. В. Шкуркин, председатель Приамурского отдела Русского географического общества С. Н. Ванков...

В. К. Арсеньев стоял на пороге самых известных своих экспедиций.

Цель свою он уже окончательно сформулировал для себя — он собирался исследовать весь Уссурийский край, включая и устье Амура. Готовясь к этому, он штудировал труды своих предшественников, нанес на карту совершенные ими маршруты, чтобы не повторять их. Так же как и самые выдающиеся русские путешественники — П. П. Семенов-Тянь-Шанский, П. К. Козлов, Н. М. Пржевальский, — В. К. Арсеньев собирался исследовать неизученные места комплексно, всесторонне.

Вот еще один пример его аккуратности, собранности. На карте исследователь показал различными красками уже изученные им места (юг Уссурийского края) и места, которые только предстояло исследовать: первоначально — средняя часть края, потом — северная. Будущие конкретные маршруты направлялись поэтому с юга на север; они были довольно сложны, включали в себя боковые рекогносцировочные ответвления, параллельные линии.

Россия потерпела поражение в русско-японской войне, что заставило царское правительство больше внимания уделить Дальнему Востоку. Это обстоятельство сыграло важную роль в судьбе Арсеньева.

Власти Приамурского края приняли решение обследовать горные области Сихотэ-Алиня, до этого совершенно неизвестные. Главной целью было создание подробной стратегической карты; опыт русско-японской войны подсказывал, что местность, где могли развернуться военные действия, надо было знать в совершенстве. Большие экспедиционные работы согласи-

Рис. 2 Маршрут экспедиции В. К. Арсеньева. (1906 г.)

лось финансировать Русское географическое общество, дополнительные средства выделили местные власти. Руководителя экспедиции искать не было необходимости: настойчивый и упорный труд Владимира Клавдиевича Арсеньева по изучению Уссурийского края был уже известен многим.

Средств хватило на очень хорошую организацию. Экспедиция была в достаточной мере обеспечена лошадьми, лагерным снаряжением, одеждой, оборудованием, инструментами, продовольствием. Арсеньеву было выделено несколько сибирских стрелков и уссурийских казаков.

В 1906 году началась его работа по изучению Сихотэ-Алиня.

Давайте снова посмотрим на карту. Сихотэ-Алинь — это горная страна, вытянутая вдоль берега Японского моря на 1200 километров и шириной примерно 200—250 километров. С западных склонов Сихотэ-Алиня берут свое начало такие реки бассейна Амура, как Уссури, Большая Уссувка, Бикин,

Хор. С восточных — реки типично горные: Самарга, Тупнин, Коппи... Но подробные карты этого района, где расположен ныне Сихотэ-Алинский заповедник, существуют сравнительно недавно. И для составления их очень многое сделал Владимир Клавдиевич Арсеньев.

Первый из его походов охватил район, называемый Зауссурийским краем; на севере он ограничен заливом Рында, на западе — водоразделом рек Уссури и Имана, на юге и востоке — побережьем Японского моря.

Отряд Арсеньева выступил в середине мая 1906 года от станции Шмаковка Уссурийской железной дороги. Путь его пролег вверх по реке Уссури до места впадения в нее реки Даубихе (ныне она называется Арсеньевка). Затем отряд поднялся до перевала и вышел на восточный склон Сихотэ-Алиня. Потом, спустившись к устью реки Фудзин (ныне Павловка), Арсеньев пошел по ней и, снова перейдя перевал, по реке Аввакумовке спустился к заливу Ольги.

И еще несколько раз в 1906 году Арсеньев в разных направлениях пересекал горный массив Сихотэ-Алинь. Экспедиция продолжалась 190 дней, больше полугода. В результате кропотливого труда были составлены подробные карты тех мест, где прежде ни разу не ступала нога европейца. Ежедневно экспедиция вела метеорологические наблюдения, они заняли объемистую тетрадь в 112 листов. Собраны были самые разные сведения о населении и природе, о путях сообщения — водных и пешеходных. Огромной оказалась коллекция растений, мхов, водорослей, лишайников. Кроме того, зоологические коллекции включали в себя 60 экземпляров птиц, около 400 — рыб, около 50 — земноводных пресмыкающихся, 500 экземпляров насекомых. К этому надо прибавить около 50 образцов различных горных пород, различные предметы, относящиеся к быту коренного населения, для этнографических коллекций.

Чудесный по красоте край, где растут кедры, клены, ясени, дикий виноград, лимонник, где водятся бурый и черный медведи, кабаны, изюбры, тигры, был пройден ученым, создавшим своеобразную и всестороннюю лоцию мест, малоизвестных до этого.

В следующем году состоялся новый поход Владимира Клавдиевича Арсеньева в горные районы Сихотэ-Алиня. В этот раз путь отряда начался с побережья Японского моря. В начале июня 1907 года отряд обследовал несколько малых рек. Потом по реке Белембе (ныне Таежная) поднялся на Сихотэ-Алинь.

Интересно проследить, как обогащался экспедиционный опыт исследователя. Организована экспедиция была примерно так же, как и предыдущая, и все-таки были в ней отличия. Лошадей В. К. Арсеньев заменил более выносливыми мулами, тяжелые медные чайники — легкими алюминиевыми котелками, сапоги — специально сшитой обувью, примерно такой же, какую носили орочи. В экспедицию для установления дружес-

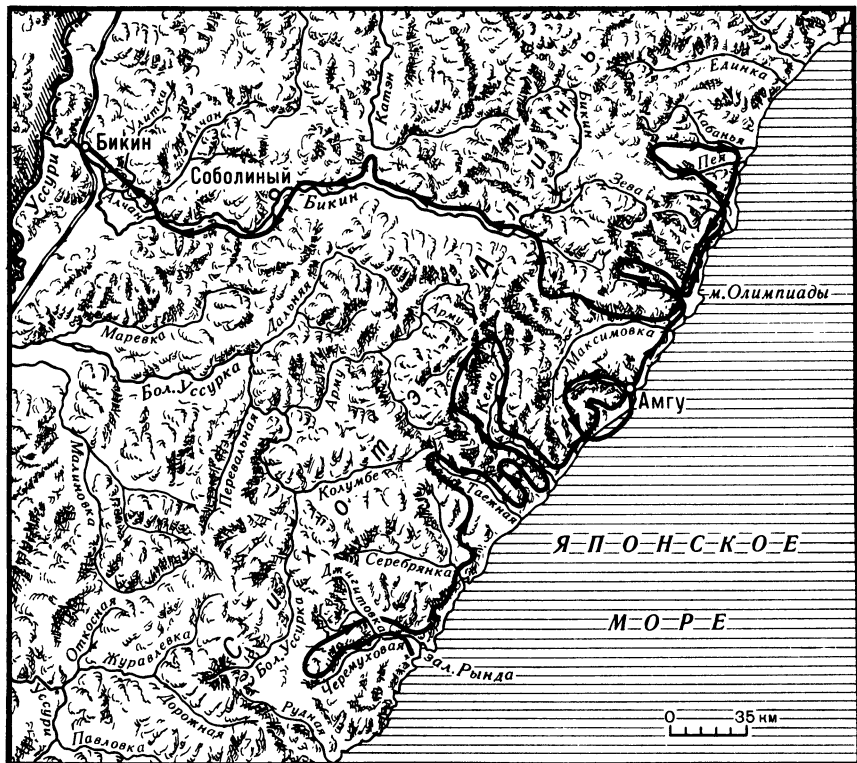

Рис. 3 Маршрут экспедиции В. К. Арсеньева. (1907 г.)

ких контактов с местными жителями был взят большой набор подарков: пилы, топоры, ружья, иголки, нитки, зеркала, кольца, серьги, пуговицы...

В этот раз за 210 дней работы, то опускаясь к морю, то снова поднимаясь к перевалу, экспедиция пересекла Сихотэ-Алинь четыре раза. Практические ее результаты, как и в первый раз, были значительны: географические карты, выполненные с помощью достаточно точной инструментальной съемки, коллекции, наблюдения...

Но был у этих двух экспедиций еще один итог, уже не научный, а художественный и вдобавок подведенный не сразу: две книги, ярко проявившие литературный талант Владимира Клавдиевича Арсеньева и подарившие целым поколениям читателей чудесные часы замечательного чтения.

Книги эти называются «По Уссурийской тайге» и «Дерсу Узала».

Они увидели свет уже годы спустя после того, как были завершены первые экспедиции В. К. Арсеньева по Сихотэ-Алиню, но связаны они именно с этими путешествиями.

Можно только позавидовать тем, кто еще не читал

этих книг. им ведь предстоит открыть их для себя, испытать всю радость этого открытия.

С их страниц словно бы поднимаются дымы таежных костров, тайга перед глазами читателя возникает так ощутимо, что, кажется, слышишь не шелест переворачиваемых страниц, а шум зеленых ветвей. По праву эти книги можно назвать «энциклопедией» Уссурийского края, потому что они не только повествуют об экспедиционных буднях, но и дают внимательному читателю множество интереснейших познавательных сведений, содержат увлекательные рассказы о встретившихся растениях, животных, птицах, насекомых.

Читатель узнает, например, о внешности и повадках уссурийского тигра, более крупного, чем его знаменитый индийский собрат, прочитает о том, как проходили порой встречи человека и тигра. (Тигр редко нападает на человека первым; и у самого Владимира Клавдиевича вместе с Дерсу случилась неожиданная встреча с «царем тайги», окончившаяся миром.)

Читатель будет присутствовать при ловле осьминога и подробным образом познакомится с бытом народа удэге. Узнает историю открытия заливов Ольги и Владимира на Тихоокеанском побережье, историю русского селения Пост Ольги...

Все эти сведения органично, естественно входят в ткань рассказа об экспедициях, читательский интерес не ослабевает ни на минуту, даже когда речь идет об обыденных, ничем вроде бы не примечательных вещах — о том, скажем, как заготавливают дрова для костра в лагере, разбитом для ночевки, — столь мастерски построил свои книги Владимир Клавдиевич Арсеньев.

Но главная удача этих двух книг — образ Дерсу Узала.

Все, что описано В. К. Арсеньевым в этих художественных произведениях, происходило на самом деле: и великолепно нарисованная сцена встречи после разлуки (правда, как мы знаем, в действительности менее продолжительной, чем это утверждает сам автор), встречи, когда словно бы какая-то неудержимая сила бросила этих двух столь разных людей — старого неграмотного охотника, ничего не знающего по сути, кроме тайги, и образованного, немало повидавшего петербуржца — друг к другу. Ведь связывали их не только совместные странствия и даже не то, что один уже успел спасти другому жизнь, а настоящее родство душ, какое не так уж часто встречается: одна и та же чистота помыслов и большая душевная щедрость.

Множество самых разных мыслей рождает у внимательного и вдумчивого читателя образ Дерсу: о человеческой доброте, о взаимоотношениях между людьми, месте человека в природе. Многое можно открыть через созданный литературный образ охотника и в самом Владимире Клавдиевиче. Он не был просто этнографом и описателем (а этнография все больше увлекала его), бесстрастно фиксирующим те или иные особенности, свя-

занные с бытом, обычаями, образом жизни изучаемой народности. Он попробовал проникнуть в самую суть другого человека, попробовал жить его мыслями, чувствами.

Удача образа Дерсу Узала именно в попытке такого проникновения. И в искренней любви автора к своему герою.

В. К. Арсеньева восхищает наблюдательность старого охотника, умение по малейшим признакам ориентироваться в тайге, предсказывать погоду. Иногда эта способность и в самом деле кажется настоящим чудом. Когда один из спутников Арсеньева, например, стреляет в орлана, Дерсу вроде бы ни с того ни с сего говорит следующее: «Худо, будет большой дождь». А объяснение между тем оказывается простейшим: если в тихую погоду туман поднимается кверху и если при этом бывает сильное эхо, непременно надо ждать большого, сильного дождя.

Добрую улыбку вызывает у автора первое знакомство Дерсу с железной дорогой:

«Дерсу остановился, потрогал рельсы рукой, посмотрел в обе стороны и сказал:

— Гм! Моя это слышал. Кругом люди говорили. Теперь понимай есть».

Большое удовольствие читать про то, как Дерсу Узала воспринял пушкинскую «Сказку о рыбаке и рыбке», которую Владимир Клавдиевич как-то вечером читал вслух своим спутникам-стрелкам на одном из биваков:

«Когда я кончил сказку, Дерсу поднялся и сказал:

— Верно, такой баба много есть,— он даже плюнул с досады и продолжал:— Бедный старик. Бросил бы он эту бабу, делал бы оморочку да кочевал на другое место.

Мы все расхохотались. Сразу сказался взгляд бродячего туземца. Лучший выход из этого положения, по его мнению, был — сделать лодку и перекочевать на другое место.

Поздно вечером я подошел к костру. На дровах сидел Дерсу и задумчиво глядел на огонь. Я спросил его, о чем он думает.

— Шибко жалко старика. Его был смирный люди. Сколько раз к морю ходи, рыбу кричи,— наверное, совсем стоптал свои унты...»

Здесь точно показан не только Дерсу Узала, но и сам В. К. Арсеньев. Как видно, и тонкий юмор не чужд был этому собранному, аккуратному, даже в чем-то немного рациональному человеку.

Арсеньев постоянно подчеркивает наивную, простодушную мудрость старого охотника. Вот, например, он потерял чернильницу Арсеньева. Слова «чернила» нет в его лексиконе, он называет чернила «грязной водой» и, огорченный потерей, говорит, что «грязную воду он очень берег. Одни слова, говорил он, выходят из уст человека и распространяются вблизи по воздуху. Другие закупорены в бутылку. Они садятся на бумагу и уходят далеко. Первые пропадают скоро, вторые могут жить сто годов и больше. Эту чудесную грязную воду он,

Дерсу, не должен был носить вовсе, потому что не знал, как с ней надо обращаться...»

И снова о единстве человека и природы, о взаимосвязи и взаимопомощи всего живого в тайге. Наивный человек с великой душой, Дерсу Узала трогательно заботился о своем доме — о тайге и ее обитателях. На одном из перевалов Сихотэ-Алиня он остановил Арсеньева, когда тот хотел кинуть в костер ненужный кусочек мяса. Ведь этот кусочек мог бы пригодиться и еноту, и барсуку, и вороне!.. Десятилетия проведя в тайге, охотник сердцем понял, насколько взаимосвязана жизнь всех таежных обитателей, насколько люди, птицы, животные, воздух, реки, рыбы составляют единое целое, которое зовется Жизнью, и что у каждого есть в ней своя роль, свое предназначение.

Невыдуманный герой получился под пером В. К. Арсеньева более живым, чем иные литературные герои. И по-настоящему грустно читать про то, как Дерсу, увидев однажды во сне, что его умершие жена и дети голодны и страдают от холода, разжигает костер и бросает в него кусочки мяса, соль, рис, муку, кусок ткани, коробок спичек, а потом, услышав крик какой-то ночной птицы, он верит в то, что это дух жены ответил ему, что она получила все посланное им и теперь будет сыта и сумеет разжечь для тепла костер...

Очень грустно видеть — именно видеть, настолько зримо описана эта сцена В. К. Арсеньевым! — отчаяние охотника, когда он не попал в кабаргу из своей старой берданки и понял, что зрение ослабло, надвинулась старость:

«Моя пуля никогда мимо ходи нету. Теперь моя пятьдесят восемь лет. Глаз худой стал, посмотри не могу... Как теперь моя дальше живи?»

Надо думать, что любой человек станет чище, добрее, читая эти то грустные, то лукавые, но всегда полные любви строки, посвященные простодушному, верному другу.

Как удивлен был Дерсу, живущий какое-то время в хабаровской квартире В. К. Арсеньева, узнав, что городской житель должен, оказывается, платить за воду, за дрова. Ведь рядом широкий Амур, в котором сколько угодно воды! А совсем рядом с городом тайга, в которой можно заготовить сколько угодно дров!

Но попытка Дерсу заготовить на зиму дрова для квартиры Арсеньева заканчивается тем, что полиция составляет на него протокол «за нарушение». Однако охотник так и не смог понять, почему же человек не может рубить для себя дрова рядом с городом?!

А трагедия уже была близка.

Дерсу снова ушел в тайгу. Возле станции Корфовская, в тридцати шести километрах от Хабаровска, старый охотник спящим был убит у своего ночного костра неизвестными грабителями, которые унесли его винтовку. Арсеньев узнал об этом,

потому что на теле Дерсу нашли его записку и тотчас же сообщили ему в Хабаровск.

По книге видно, как потрясла Арсеньева смерть Дерсу Узала. Очень простые, но полные бесконечной скорби слова нашел Владимир Клавдиевич Арсеньев для того, чтобы написать сцену похорон человека, с которым связывало его так много. Раскроем же в последний раз эту книгу, на страницах которой проделали они вместе столь долгий путь — бесхитростный старый следопыт и его ученый друг.

«Покончив со своим делом, рабочие закурили трубки и, разобрав инструменты, пошли на станцию вслед за приставом. Я сел на землю около дороги и долго думал об усопшем друге.

Как в кинематографе, передо мною одна за другой вставляли картины прошлого...

В это время прилетел поползень. Он сел на куст около могилы, доверчиво посмотрел на меня и защебетал.

«Смирный люди», — вспомнилось мне, как Дерсу называл этих пернатых обитателей тайги. Вдруг птичка вспорхнула и полетела в кусты. И снова тоска защемила мне сердце.

— Прощай, Дерсу! — сказал я в последний раз и пошел по дороге...

...Но ведь и поныне жив Дерсу Узала, книга о нем прочно вошла в советскую литературу, и с каждым новым поколением читателей снова, в который уже раз, отправляется он в свои бесконечные странствия по тайге, чтобы заново давать уроки безмерной и бескорыстной любви к природе и людям, душевной щедрости и чистоты.

И скольких же еще читателей ждет впереди эта радость открытия для себя прекрасной книги, которая потом навсегда входит в жизнь! Не многим авторам удастся дарить людям такую радость. Владимиру Клавдиевичу Арсеньеву — удалось.

А теперь, немного забегаая вперед, надо рассказать и о том, как создавались эти книги — «По Уссурийской тайге» и «Дерсу Узала».

Долгие годы работал над ними Владимир Клавдиевич. Уже в экспедиции 1906—1907 годов, помимо дневников путевых, ботанических, геологических и т.д., он начал вести и литературный дневник — именно он потом лег в основу книг.

Каждую свободную минуту, а ведь он был очень и очень занят, В. К. Арсеньев отдавал литературному труду. Некоторые главы были написаны в доме краеведа-охотоведа, друга Арсеньева Н. А. Дзюля, который жил на станции Корфовская, неподалеку от того места, где был похоронен Дерсу Узала. Но большая часть текста создавалась долгими зимними вечерами в доме Арсеньева в Хабаровске.

Жена и сын помогали в работе — переписывали набело черновики. Иногда В. К. Арсеньев работал при свете свечей: как говорил он, это напоминало путешествия по тайге, огонь

костра и помогало писать. О том, насколько автор был требователен к себе, говорит тот факт, что в процессе работы он постоянно, зачастую и без особой в том необходимости, консультировался с ботаниками, зоологами, этнографами. Отрывки из рукописи он часто читал вслух своим многочисленным хабаровским друзьям.

Работа была закончена лишь к началу 1917 года. Правда, уже в 1912 году в хабаровской газете «Приамурье» был напечатан ряд отдельных глав. Однако лишь при Советской власти книги увидели свет. В 1921 году во Владивостоке вышла книга «По Уссурийской тайге», в 1923 году — «Дерсу Узала». Позже, желая сделать книги более популярными, доступными самым широким кругам читателей, Владимир Клавдиевич сократил ряд подробных научных описаний, заменил латинские названия растений русскими, объединил две книги, связанные одним героем, в одну. Так, в 1926 году во Владивостоке вышла дилогия, названная автором «В дебрях Уссурийского края».

Очень точную характеристику позже дал книге известный советский писатель Владимир Лидин: «...возник образ Дерсу Узала, который... в сознании читателей стал образцом пленительной душевной чистоты; с одним из героев документальной литературы, никогда не претендовавшей стать литературой художественной, случилось чудо — он стал спутником не одного Арсеньева, он стал спутником любого из нас».

Началось путешествие старого и мудрого охотника Дерсу Узала сквозь время — путешествие, которое продолжается и поныне и у которого не видно конца. Путешествие, которое к тому же сыграло в истории советской страны определенную и немаловажную роль.

Многие в молодом государстве лишь по книге Арсеньева впервые познакомились с чудесным далеким краем — Дальним Востоком. Нередко люди приезжали сюда, чтобы здесь остаться, здесь работать, именно потому, что были очарованы волшебным пером путешественника-писателя. А ведь именно о преобразовании прекрасного края, о полном использовании его неисчерпаемых ресурсов и мечтал сам Владимир Клавдиевич.

Когда книга вышла в свет, несколько сот экземпляров он отправил московским комсомольцам, призывая их осваивать Дальний Восток, таящий столько природных богатств, необходимых стране. Среди тех, кто немного позже строил Комсомольск-на-Амуре, немало было читателей Арсеньева.

Владимир Клавдиевич мечтал и о том, чтобы Дерсу Узала оставался живым, продолжал свою жизнь в сознании читателей. Беседуя как-то с тем же писателем Владимиром Лидиным, он сказал:

«А главное, знаете, что мне приятно? Что, может быть, останется жить мой Дерсу, то есть не как литературный образ, а как личность...»

Десятилетия, прошедшие с тех пор, показали — остался жить Дерсу Узала!

Сегодня его имя носят многие дальневосточные пионерские отряды.

Желая похвалить наблюдательного, все подмечающего человека, мы сравниваем его с Дерсу. Имя Дерсу непременно вспоминают сегодня журналисты, пишущие о дальневосточном крае. А всемирно известный кинорежиссер Акира Кurosав снял на киностудии «Мосфильм» двухсерийную художественную ленту об уссурийском следопыте, и этот фильм с успехом прошел по экранам разных стран мира. На IX Московском международном кинофестивале он получил высшую награду — золотой приз, в Соединенных Штатах позже он завоевал высшую премию американского кинематографа — приз «Оскар».

И в годы Великой Отечественной войны, как оказалось, книга Владимира Клавдиевича Арсеньева нужна была советскому народу. Вот какой интересный факт описан в одном из фронтовых очерков, опубликованных в 1942 году в журнале «Красная новь». Командир партизанского отряда, действующего в брянских лесах, говорил бойцу: «В лесу, в поле все замечать надо. Жил в Уссурийском крае замечательный охотник — гольд Дерсу Узала. Я про него книжку читал. Сказал этот охотник городскому человеку: «Глаза у тебя есть, а посмотри нету...» Как прочел я это еще мальчонком, — решил учиться «посмотреть», и вот видишь, как это здорово пригодилось».

...С первым изданием книг о Дерсу Узала оказалась связанной интересная биографическая загадка, еще одна неясность в биографии В. К. Арсеньева. Дело в том, что его близкие — жена, сын, брат, сестры, племянники — после смерти автора утверждали, что до владивостокского издания книги уже выходили в Москве или Петрограде в 1917 году. Книги действительно были закончены к этому времени... Но поиск исследователей пока не дал результатов — книг не нашлось ни в одной из библиотек.

Однако утверждение родственников, может быть, все-таки обоснованно? Возможно, книги действительно выходили, но самым крошечным тиражом. И если так, возможно, кому-то из литературоведов еще посчастливится сделать столь редкую и столь драгоценную находку...

Глава

8

ВНОВЬ СИХОТЭ-АЛИНЬ

А теперь вновь вернемся в 1907 год. Впервые Владимир Клавдиевич Арсеньев выступил в Хабаровске с публичными докладами о своих экспедициях. И как выяснилось, многие из горожан даже не подозревали о том, насколько интересен

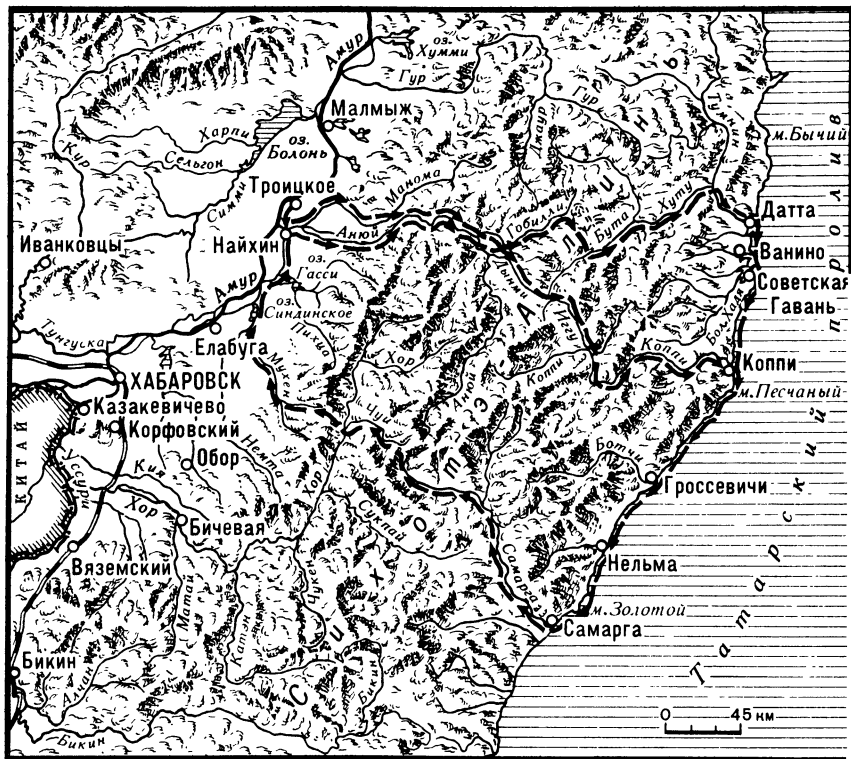

Рис. 4 Схема маршрута В. К. Арсеньева. (1908—1910 гг.)

край, где они живут, насколько богат он самыми разными природными ресурсами. Огромное любопытство вызвали этнографические рассказы путешественника о быте и условиях жизни малых народностей — она была так не похожа на городскую!..

Хабаровская газета «Приамурье» писала, что сообщения Владимира Клавдиевича Арсеньева произвели огромное впечатление на присутствующих, ярко показав, что может сделать хоть и на небольшие средства, истинный служитель науки человек живого дела, ставящий целью прежде всего служение родине. «Кажется, — подчеркивал автор газетной статьи, — не той области науки, которой не коснулся в своих трудах талантливый путешественник».

А путешественник, о котором шла речь, человек, которому не сиделось в городе из-за того, что его настойчиво манила тайга, вновь готовил в это время экспедицию.

Этой экспедиции — по результатам, которые она принесла, — суждено было стать едва ли не самой значительной из всех, в каких он побывал, самой продолжительной по времени и, наконец, что бесспорно, самой трудной.

В 1908 году праздновалось 50-летие со дня присоединения Приамурского края к России.

Вот к этой дате и было приурочено начало третьей экспедиции В. К. Арсеньева на Сихотэ-Алинь. Организована она была Приамурским отделением Русского географического общества, однако финансировалась в этот раз главным образом Штабом военного округа, который поставил перед путешественником целый ряд определенных и особых задач, связанных с военно-стратегическими вопросами обороны края.

Опять речь шла о создании армейских топографических карт.

На этот раз экспедиции предстояло работать в северной части Уссурийского края. Район с одной стороны был ограничен рекой Амур и низовьями Усури, с другой — Татарским проливом. На юге район будущих исследований ограничивала река Самарга.

Вся эта местность была практически неизвестна европейцам. «Дикость тайги, бездорожье, полное отсутствие жилых мест были главными причинами, почему Сихотэ-Алинь и земли к востоку от него оставались так долго неизвестными, — писал после этого путешествия В. К. Арсеньев. — Для исследования этой нетронутой части Уссурийского края я и предпринял свои экспедиции».

Опытный путешественник начал деятельно готовиться к новому предстоящему маршруту. Он, как всегда, тщательно продумывал все вопросы.

Экспедиция должна была оказаться продолжительной, значит, и необходимое снаряжение должно было быть и летним, и зимним. Как показала практика, летние палатки не были нужны, взамен их Арсеньев взял марлевые накомарники. Для зимы была припасена большая суконная палатка, в которой свободно могли разместиться человек двадцать. В стенах ее были маленькие окна с толстыми стеклами. В палатке можно было установить чугунную печку, дававшую вполне достаточно тепла для обогрева даже в самые сильные морозы.

Были подготовлены пилы, лопаты, топоры; взят был необходимый запас и летней и зимней одежды. И разумеется, значительную часть снаряжения составляло научное оборудование: топографические, метеорологические инструменты, тетради для дневников, планшеты.

Как всегда, Владимир Клавдиевич Арсеньев самым тщательным образом продумал и состав экспедиции. Ведь вместе с выбранными спутниками ему предстояло переносить все тяготы пути, он должен был полагаться на них во всем, точно так же как и они на него. С В. К. Арсеньевым отправлялись в путь ботаник Н. А. Десулави, геолог С. Ф. Гусев, краевед-охотник И. А. Дзюль, имя которого уже не раз упоминалось. Кроме того, в экспедиции должны были принять участие семь стрелков 23-го и 24-го Восточно-Сибирских стрелковых полков и два казака Уссурийского казачьего дивизиона.

Помощник В. К. Арсеньева штабс-капитан Т. А. Николаев получил задание: морем отправиться в Императорскую (ныне Советская) Гавань и устроить для экспедиции продовольственные базы: при устье реки Самарги, при реке Ботчи.

Возле Императорской Гавани Николаеву следовало разыскать старейших местных жителей орочей и от них узнать, к какой реке выйдет экспедиция, перевалив через Сихотэ-Алинь. Установив это, штабс-капитан Николаев с запасом продовольствия должен был пойти по этой реке навстречу Арсеньеву. Все семь стрелков отправлялись вместе со штабс-капитаном, а с Арсеньевым шли Н. А. Десулави, С. Ф. Гусев, И. А. Дзюль, местный проводник по имени Чжан Бао, а также оба казака, Иван Крылов и Григорий Димов.

Третья экспедиция Арсеньева на Сихотэ-Алинь началась в июне 1908 года. Из Хабаровска он и его спутники поплыли на пароходе вниз по Амуру.

(Кстати, Владимир Клавдиевич, всегда живо интересующийся происхождением местных названий, записал несколько версий значения слова «Амур». Например, «Амор» в переводе с тунгусского означает «Добрый мир». Другая версия — название происходит от имени маленькой реки Емур, впадающей в Амур с правой стороны. И наконец, в словаре одного из местных племен — гиляков — есть слово «Гамур», что означает «Большая вода». По-видимому, наиболее справедлива третья из версий.

Вот еще один из научных интересов В. К. Арсеньева — топонимика, наука о происхождении географических названий.)

В большом селе Троицком, расположенном на правом берегу Амура, члены экспедиции сошли на берег и выгрузили свой багаж. Несколько знакомых по прошлым путешествиям гольдов встречали Арсеньева на лодках. Вверх по протоке Дырен путешественники поплыли к гольдскому селению Найхин, состоящему из восемнадцати фанз. Здесь В. К. Арсеньев на некоторое время остановился, чтобы расспросить местных жителей о том, что может встретиться экспедиции на предстоящем пути.

Сохранились свидетельства спутников Арсеньева по разным экспедициям о том, как он разговаривал с местными жителями. Все, что рассказывали ему орочи, гольды или удэгейцы, неизменно выслушивалось им спокойно, доброжелательно и вполне серьезно, каким бы неправдоподобным не оказывался рассказ. Местные жители, среди которых у Владимира Клавдиевича было очень много знакомых, высоко ценили эту доброжелательность, внимание путешественника, говорили с ним доверительно и откровенно. Любовь и доверие этих бедных людей, которым пришельцы зачастую несли только зло, было между тем очень нелегко завоевать; они привыкли относиться к тем, кто появлялся в их таежных селениях, настороженно, недоверчиво.

А у В. К. Арсеньева среди этих теснимых людей немало было истинных друзей. Не раз орочи, гольды или удэгейцы приходили на помощь путешественнику в самые трудные моменты его экспедиций. Он сделал им много добра: больным давал лекарства (и они это помнили), заступался за угнетаемые народы края перед властями. И не только он приходил к ним в тайгу — нередко они сами, чаще зимой, приезжали в гости к Арсеньеву в Хабаровск. Даже в самые лютые морозы они ставили свои палатки во дворе его дома, не желая спать в комнатах, где «не пахло тайгой». Владимир Клавдиевич угощал своих таежных друзей крепким чаем, борщом, пельменями, компотом — они его особенно жаловали. А если представители местных малых народностей ходили по каким-нибудь важным делам к генерал-губернатору, Арсеньев неизменно их сопровождал; часто ему случалось быть переводчиком орочей или гольдов в их переговорах с властями в Хабаровске...

Из селения Найхин В. К. Арсеньев намеревался идти к перевалу через Сихотэ-Алинь вверх по течению реки Анюй. Однако местные жители утверждали, что плавание по ней очень опасно, так как течение крайне быстрое и на пути встретится множество каменных завалов. Сопровождать путешественников они согласились только до ближайшей вверх по реке гольдской деревушки. Выше по течению, как рассказывали они, жили уже не гольды, а удэгейцы.

Течение реки Анюй действительно оказалось очень бурным. Идти на веслах было совершенно невозможно; проводники-гольды двигали лодки с помощью шестов. Выбываясь из сил, часто отдыхая, за первый день они смогли поднять лодки вверх по течению лишь на восемь километров.

А на следующий день произошло первое из несчастий, правда, по сравнению с тем, что ожидало экспедицию впереди, оно кажется совсем незначительным. Одна из лодок встала боком против бурного течения, и вода тотчас же, хлынув через борт, наполнила ее до краев. Впрочем, лодку удалось спасти, выведя ее на мелководе, но весь груз промок; пришлось встать на бивак раньше времени, сушить поклажу и одежду.

Несколько дней спустя гольды, как и договаривались с В. К. Арсеньевым, повернули назад, и дальше экспедицию сопровождали удэгейцы, настоящие лесные люди, еще меньше, чем гольды, затронутые в ту пору цивилизацией.

Продолжалось путешествие вверх по реке Анюй.

У Владимира Клавдиевича было много работы. По вечерам, когда был разбит бивак, начальник экспедиции — он всегда принимал участие в общих работах по его устройству — оставался в одиночестве у костра, устраивался на какой-нибудь коряге, банке или ящике и записывал все, что произошло на маршруте за день. Отмечал на карте пройденный путь. Описывал встреченные растения, животных, птиц. Обычная полевая работа...

В этом неисследованном крае рос маньчжурский орех, сорба-

рия, папоротник, амурский виноград. Из птиц встречались скопы, вороны, зимородки. Можно было только снова и снова поражаться разнообразию растительного и животного мира гор Сихотэ-Алиня.

В литературный дневник Арсеньев записывал забавные происшествия, какие всегда случаются в любой из экспедиций, давал точные характеристики всем своим спутникам.

Записывал он и легенды, ходившие среди удэгейцев. Они рассказывали, например, что в здешних лесах живет никому неизвестный человек, который может летать. По их словам, на лесных тропах охотники-удэгейцы часто видят его следы, которые то вдруг неожиданно, ни с того ни с сего откуда-то появляются на земле и потом столь же неожиданно исчезают, а это, понятно, может быть лишь в том случае, когда человек опускается сверху на землю, а потом снова взлетает в воздух...

Дальше экспедиция продолжала путь по реке Гобилли, притоку Анюя. Через два дня путешественники достигли небольшой безымянной горной речки, которую впоследствии удэгейцы назвали «Чжанге Уоляне», что буквально означает «Ключик на перевал, по которому прошел Чжанге». Именем Чжанге лесные люди называли Арсеньева.

Теперь Владимир Клавдиевич и его спутники были вблизи перевала через один из хребтов Сихотэ-Алиня. Здесь, на высоте, тайга изменилась. Появились березняки, причем деревья росли довольно странно: они были сильно наклонены, иные вершинами совсем пригибались к земле.

Расставшись с проводниками-удэгейцами, семеро путешественников поднялись на самый хребет Сихотэ-Алиня. Подъем был настолько крут, что иной раз приходилось карабкаться по склону буквально на четвереньках, хватаясь руками за корни деревьев. Наконец, с вершины открылся вид на обе стороны перевала.

Здесь В. К. Арсеньев зарисовал профили видневшихся вдали горных цепей. В геологический дневник он записал, что обломки каменной породы с западной стороны Сихотэ-Алиня лежат столь ровно и плотно, что, кажется, кто-то нарочно подгонял их друг к другу. Восточный склон Сихотэ-Алиня был более полог, чем западный, он складывался как бы из каскада больших каменистых террас.

27 июля 1908 года экспедиция стала опускаться по восточному склону вниз. Путеводной нитью служил горный ручей, который иногда прыгал со скал малыми водопадами, а на пологих местах, случалось, уходил под мох, заболачивая почву.

Этот путь оказался трудным и небезопасным. Путешественникам сильно докучали комары и мошки. То и дело путь преграждали стиснутые горными кряжами глубокие водоемы, и, чтобы обойти их, приходилось снова с тяжелой поклажей карабкаться на каменистые кручи, то и дело рискуя сорваться вниз.

Потом начались самые настоящие беды.

5 августа путешественники дошли до места впадения одной из маленьких рек в Буту. Отсюда дальше можно было двигаться на лодках. Из двух больших деревьев за четверо суток по способу, которым пользовались местные жители, изготовлены были две долбленые лодки. Запасы продовольствия уже подходили к концу, приходилось торопиться на встречу со штабс-капитаном Николаевым.

Однако в первый же день одна из лодок разбилась о камни. Погибли палатки, фотоаппарат, отснятые пластинки и значительная часть и без того уже скудного запаса продуктов. Теперь часть маленького отряда плыла вниз по течению на лодке, а остальные пешком шли по берегу. Самая большая беда была уже совсем близко.

Новой неожиданностью оказалась упавшая в воду ель. С лодки ее нельзя было заметить, потому что река в это время делала крутой поворот, а ель лежала как раз за ним. Остановить лодку с помощью шестов путешественники не успели, со всей скоростью бурного течения она врезалась в ствол. Люди остались живы, но полностью погибли все остатки снаряжения — ружья, продовольствие, запасная одежда. У каждого осталось лишь то, что было в момент крушения на себе.

Положение экспедиции стало катастрофическим. Возвращаться назад было бессмысленно: сзади не было никаких селений, где можно было бы пополнить запас пищи. Оставалось только идти вперед, не зная точно, где и когда произойдет встреча с Николаевым.

Несколько дней спустя начался настоящий голод. Даже грибы, которые то и дело попадались на пути, были несъедобны.

Участники экспедиции все больше слабели. Как-то им понадобилось перебросить через узкую протоку тонкую жердь в несколько метров длиной; вшестером они едва могли перенести ее на расстояние в шестьдесят шагов. Наконец пришел день, когда никто уже не мог идти дальше. Арсеньев и его спутники остановились неподалеку от места слияния рек Буту и Хуту. Люди до невозможности исхудали. Над бессильно лежащими на прибрежной гальке путешественниками тучами вилась мошка, отбиваться от которой ни у кого уже не было сил.

Позже Владимир Клавдиевич Арсеньев очень простыми, но исполненными высокого мужества словами описал этот самый страшный момент своего третьего путешествия на Сихотэ-Алинь:

«На берегу рос старый тополь. Я оголил его от коры и на самом видном месте ножом вырезал стрелку, указывающую на дупло, а в дупло вложил записную книжку, в которую вписал все наши имена, фамилии и адреса.

Теперь все было сделано. Мы приготовились умирать».

В эти последние, как считал он сам, часы жизни Владимир Клавдиевич, едва держась на ногах, разбирал свои записи,

уцелевшие после гибели лодки, чтобы привести их в какой-то порядок: если эти записи когда-нибудь нашли бы, в них можно было бы разобраться и без его помощи...

Но смерть миновала путешественников.

В холодную ночь на 4 сентября 1908 года умирающие люди услышали выстрелы где-то ниже по течению реки. А на рассвете на середине русла появилась долбленая лодка с двумя жителями лесов. Услышав крики путешественников и, вероятно, испугавшись, они повернули лодку назад и быстро скрылись в густом предутреннем тумане. Отчаянию измученных людей не было предела.

Однако утром Арсеньев заметил в прибрежных кустах собаку. Значит, люди были где-то рядом, внимательно наблюдая за пришельцами и, видимо, приняв их, судя по внешнему виду, за бродяг, какие, бывало, встречались в тайге. Тогда Арсеньев вышел на берег и закричал на местном наречии: «Я Чжанге, со мной шесть русских, которые много дней ничего не ели». Из зарослей поднялся человек, оказавшийся из племени орочей. Он обещал тотчас же отправиться за помощью и исчез. Умирающие люди, чувствуя, как уходят последние силы, отсчитывали минуты.

И тогда на реке появились сразу три лодки, поднимавшиеся вверх по течению с помощью шестов. Однако это оказались не орочи, это был отряд штабс-капитана Николаева, вышедший навстречу Арсеньеву с запасом продовольствия.

Путешественники были спасены.

Но лишь в конце сентября 1908 года они пришли в себя настолько, что смогли отправиться дальше. По рекам Хуту, а затем Тумнину экспедиция В. К. Арсеньева прибыла наконец в Императорскую Гавань. Первый этап путешествия закончился. И хотя большинство материалов погибло, после чего Арсеньеву пришлось по памяти восстанавливать многие записи, научные итоги первой части экспедиции оказались значительными. Был описан растительный и животный мир края, где прежде не ступала нога европейца, уточнены направления течения горных рек, даны геологические описания склонов Сихотэ-Алинских гор.

Нужно было двигаться дальше.

Арсеньев пополнил запасы одежды, продовольствия и научного снаряжения, которые, как и было условлено заранее, выслали в Императорскую Гавань из Владивостока, и в середине сентября экспедиция на лодках двинулась вдоль морского побережья к югу. Месяц спустя Владимир Клавдиевич достиг мыса, близ которого в море впадала река Самарга. Следующие несколько недель были посвящены исследованию района низовьев Самарги. Затем экспедиция вновь начала подниматься по горным речкам вверх к Сихотэ-Алиню.

И снова дневники Арсеньева пополняются самыми подробными сведениями.

Арсеньев-ботаник делает заметки о прибрежных растениях. Арсеньев-зоолог заносит в блокноты наблюдения о привычках животных.

Ученый-геолог характеризует геологические породы, слагающие берег.

А в этнографический дневник вносятся описания жилища и одежды орочей, неизвестные прежде легенды и предания.

В литературном дневнике появляются записи о том, как однажды Арсеньев встретился с шаровой молнией, как члены экспедиции видели выброшенный на побережье остов разбитого когда-то бурей норвежского парохода. А близ одного из орочских селений у путешественника вновь произошла встреча с полосатым хозяином тайги — уссурийским тигром. Этот тигр постоянно уносил из селения собак, и вместе с Владимиром Клавдиевичем орочи двинулись на охоту за ним. Была устроена ловушка: сорвав грудью натянутую между деревьями тонкую бичеву, тигр должен был тем самым спустить тетиву самострела, направленного на него. Однако тигр, лишь легко раненный в лапу, зубами вырвал из раны стрелу вместе с наконечником и скрылся в зарослях. Орочи так его и не нашли.

И еще пять раз экспедиции предстояло пересечь Сихотэ-Алинь.

Когда экспедиция была на реке Копи, путешественники решили на лодках снова вернуться в Императорскую Гавань. Но сильная буря разбила лодки о камни, и отряду пришлось двигаться дальше пешком. Однако на этот раз они вернулись в Императорскую Гавань вполне благополучно, хватило и снаряжения, и запасов продовольствия.

Затем маршрут вновь пролег на один из перевалов Сихотэ-Алиня. Этот перевал Владимир Клавдиевич назвал Перевалом имени Русского географического общества.

Дальше по маленьким речушкам отряд опять спустился к реке Тумнин, по которой уже плыл после страшных голодных дней, едва не закончившихся трагедией, и в конце июля 1909 года опять вернулся в Императорскую Гавань.

Август был посвящен изучению небольших речек, впадающих в Татарский пролив. С помощью привычных топографических приборов — шагомера, буссоли — на карту наносились направления их течения, описывалась геология берегов, собирались ботанические коллекции.

Осенью начался последний маршрут третьей экспедиции Владимира Клавдиевича Арсеньева на Сихотэ-Алинь: от Императорской Гавани на север до реки Тумнин и потом вверх по одному из ее притоков.

Отряд В. К. Арсеньева сильно поредел. В разное время его покинули ботаник Н. А. Десулави, краевед И. А. Дзюль, геолог С. Ф. Гусев. В конце концов в экспедиции, кроме самого Арсеньева, остались только два стрелка: Илья Рожков и Павел Ноздрин.

Идти с Владимиром Клавдиевичем в совершенно неизведанные места отказались и орочи — в тот год им не хватало продовольствия и корма для собак. С оставшимися людьми В. К. Арсеньев пошел в горы к вершине Сихотэ-Алиня уже самостоятельно.

Семьдесят шесть дней продолжался последний маршрут. Трое путешественников теперь шли на лыжах, а на плечах у каждого были лямки, к которым были привязаны тяжелые нарты. На нарты было погружено продовольствие, собранные обширные и увесистые коллекции, научные инструменты.

Это была, пожалуй, если не считать пережитые прежде тяжелые лишения из-за голода, самая тяжелая часть экспедиции.

Позже в одном из отчетов о ней В. К. Арсеньев писал: «Зима была крайне суровая, снежная. Бури следовали одна за другой, снега выпали глубокие. Начальник экспедиции рассчитывал, что гольцы выйдут на охоту за соболем и что он встретит их после перевала через Сихотэ-Алинь и воспользуется проложенной ими дорогой, но они из-за снегов совсем не вышли, и потому ему самому пришлось протаптывать дорогу до самого Амура. О глубине выпавшего снега можно судить по тому, что, для того чтобы набрать дров для огня или сходить за водой к проруби реки, находящейся на расстоянии двух или трех сажен от костра, надо было надевать лыжи. С гольцов Сихотэ-Алиня перед путешественниками развернулась жуткая картина. Насколько хватало глаз, везде были горы, покрытые снегами. Реки текли в разных направлениях. Один из стрелков (Ноздрин) начал было падать духом. «Вот беда-то, — говорил он, — зашли куда! Как отсюда мы выйдем!»

А сам Владимир Клавдиевич, похоже, никогда не терял присутствия духа, показывая пример товарищам. Да и другой стрелок, Илья Рожков, оказался крепче духом, чем его товарищ. Он стал успокаивать его, говоря, что с таким начальником экспедиции они никогда не пропадут.

Характерный пример: он говорит о личном мужестве В. К. Арсеньева, и о том, как верили ему в походах люди, идущие вместе с ним.

Нужно было выбрать направление, по которому следовало спускаться после перевала. Разбив лагерь, путешественники совершили несколько разведок. Наконец они двинулись в бассейн реки Хунгари.

Но впереди ждали еще более тяжелые испытания.

«Перейдя водораздел, — писал дальше Владимир Клавдиевич в том же отчете, — путешественники встали биваком в узком ущелье. На рассвете случилось небольшое землетрясение и произошел снежный обвал. Палатку завалило. К счастью, все были снаружи и занимались укладкой нарт. Целые сутки ушли на раскопки. Наконец палатку достали. Все время надо было опасаться за нее. Старенькая, ветхая, она обдымилась

и расползалась по всем швам. Ее починили. Эта ветхая палаточка была единственной защитой от ночных морозов при 36 °С. Более всего путники терпели недостаток в обуви. Купить было негде. Для починки унтов рвали полы полушубков, порожные мешки из-под сухарей шли на починку одежды.

Вследствие глубокого снега лоси не ходили по тайге, а стояли на тех местах, где застала их непогода. Нигде не было видно ни одного следа. Тайга казалась мертвой пустыней...

Собаки, взятые с собой (по две в нарту), погибли от голода; собачью юколу (вяленая на солнце и ветру рыба.— *Прим. автора*) сберегли для людей. Четыре дня прокормились ею, потом посчастливилось убить небольшую выдру. Мясо ее растянули на шесть суток. Затем убили молодую рысь: и лапы и внутренности ее — все было съедено. 31 декабря ничего уже не ели. В довершение несчастья ночевали без дров. Эту праздничную ночь провели мучительно тоскливо. На другой день, 1 января 1910 года, нашли первых людей. Это были орочи. Велика была радость. Это был настоящий праздник!»

Закончилась самая большая и самая продолжительная — девятнадцать месяцев! — экспедиция В. К. Арсеньева. Научные ее результаты были весьма велики. Прежде всего третья экспедиция Арсеньева в сумме с материалами двух предыдущих позволила во многом прояснить картографию края. По его маршрутным съемкам, подкрепленным определениями высот и географических координат, впервые были созданы достаточно точные карты Уссурийского края. В дальнейшем, когда в «арсеньевских местах» велись более точные картографические работы, его съемки обязательно использовались в качестве основы.

Когда Арсеньев вел съемку местности, он непременно выяснял у местного населения, как называется тот или иной объект, а некоторым из них, безымянным, сам давал названия. После его экспедиций на картах появилось немало неизвестных или новых названий. Характерная деталь: ни разу для этого он не использовал своего имени. Все названия, имеющие отношение к знаменитому путешественнику, появились на картах уже позже...

Но, конечно, не только картография интересовала Владимира Клавдиевича и в этой, третьей сихотэ-алинской экспедиции. Выбываясь из сил, путешественники донесли тем не менее до конца маршрута обширные и самые разнообразные коллекции, которые Владимир Клавдиевич передал для обработки специалистам.

Так, например, известный ученый Л. С. Берг работал с собранной В. К. Арсеньевым коллекцией рыб, С. А. Батурлин изучал большую коллекцию птиц, И. В. Палибин — растений, Я. С. Эдельштейн — геологических образцов.

Белые пятна существуют не только в географии, есть они в каждой из наук.

Третье путешествие Владимира Клавдиевича Арсеньева по горам Сихотэ-Алиня во многом заполнило их на ботанических, зоологических, геологических, этнографических картах Уссурийского края — в следующей главе мы более обстоятельно познакомимся с этим.

А самому Арсеньеву все яснее становилось одно: он и сам должен как-то систематизировать богатейшие материалы, собранные за долгие годы путешествий, в научных статьях, в путевых очерках, рассказывающих о самых ярких впечатлениях дней, проведенных в тайге. Статьи были бы важны для науки, очерки могли оказаться интересными самому широкому кругу читателей, знакомя их с чудесным краем, где они живут.

Владимира Клавдиевича Арсеньева все больше тянули к себе письменный стол, бумага и перо.

Глава | НАУКА О ПРИМОРЬЕ

9

Пришла пора оставить на время рассказ о маршрутах и походах В. К. Арсеньева по Приморскому краю. Мы уже знаем, что в каждой из экспедиций он вносил в путевые дневники собранные наблюдения по зоологии, метеорологии, ботанике, геологии. Попробуем разобраться в том, что нового дали этим научным дисциплинам кропотливо собираемые путешественником сведения.

Многое! Давайте начнем хотя бы с метеорологии.

До Арсеньева не существовало климатической характеристики Приморья. Немногочисленные, недавно организованные метеостанции только-только начинали работу, а в центральной части Сихотэ-Алиня их не было совсем. Первую характеристику климата Приморья и дал на основе многолетних наблюдений Владимир Клавдиевич Арсеньев.

Собранные им данные показали, что Приморье следует разделить на такие резко отличающиеся друг от друга районы, как Прибрежный, погода которого определялась близостью моря, и Западный, более континентальный, причем каждый из них в свою очередь подразделялся на несколько зон.

В. К. Арсеньев дал подробную климатическую характеристику каждому из районов, указал средние летние и зимние температуры, количество осадков, причем к этому добавлялись и чисто практические наблюдения и соображения, связанные с возможностью возделывания в том или ином районе сельскохозяйственных культур.

Не менее значительным оказался вклад В. К. Арсеньева в гидрологию Приморского края. Реки, на которых ему приходилось бывать, описаны всесторонне — направление, протяженность, ширина, глубина, скорость течения. Он отме-

тил общую характерную особенность приморских рек: почти все они в верхнем течении идут вдоль горных хребтов, но, слившись с другой рекой, резко меняют направление, «прорезая» горные складки и превращая их в ущелья.

У приморских рек, как отмечал В. К. Арсеньев, много своеобразных черт, которые делают их непохожими на реки каких-либо других регионов. Эти черты — быстрые подъемы воды, наводнения, причем после наводнений реки нередко образуют новые русла.

Этнография — особый интерес В. К. Арсеньева. В его дневниках собраны были записи обычаев орочей, удэгейцев, сложенные ими за века народные сказания.

Исследователь изучал языки малых народностей, составлял словари, изучал фонетику. Он тщательно изучал их семейные и общественные отношения, религиозные верования, показал границы обитания народностей, их исторические миграции.

Так, он установил, что «колыбель» орочей — это река Хади, а удэгейцы, основные жители Приморья, расселялись на восточных и западных склонах хребтов Сихотэ-Алиня.

В. К. Арсеньеву удалось подсмотреть в тайге уникальные сцены ритуала моления, которым лесные люди сопровождали находку каждого корня женьшеня, описал методы и приемы его выкапывания и сохранения...

Многое сделал В. К. Арсеньев и для совершенствования ботанической и зоологической карт Приморского края. Так, например, он установил северные и южные границы распространения различных видов растений и кустарников, эти границы прежде были совершенно неизвестны ученым.

Установил он зоны распространения дуба монгольского, ореха маньчжурского, лиственницы даурской.

Материалы, собранные в экспедициях В. К. Арсеньева, впервые позволили наметить и зоны обитания целого ряда дальневосточных животных: горала, красного волка, лося, пятнистого оленя, белогрудого медведя, уссурийского тигра, причем В. К. Арсеньев точно связывает зоны обитания одних животных с зонами обитания других и с зонами распространения различных растений в их биологической взаимосвязи. Он образно записал, например: «Где кедр, там и белка, там и кедровка, где белка, там и соболь, где кабарга, там и росомаха, где кедр и дуб, там кабан и изюбр, а где кабан, там и тигр».

Собранные им коллекции Арсеньев обычно передавал более сведущим специалистам. Так, известный орнитолог профессор С. А. Бутурлин, обработав коллекцию птиц, собранную Владимиром Клавдиевичем во время сихотэ-алинской экспедиции 1908—1910 годов, описал некоторые неизвестные прежде разновидности пернатых. Значит, и в орнитологии В. К. Арсеньев оставил свой след...

Значительными оказались научные итоги уже первых путешествий Арсеньева.

Правда, кое у кого после знакомств с длинным перечнем всего того, что сделал Владимир Клавдиевич в эти годы, вот какая может возникнуть мысль: а можно ли все сделанное называть научными исследованиями, не правильнее ли будет сказать — Арсеньев оставил ряд скрупулезно выполненных, точных описаний?..

Но ведь во всех тех дисциплинах, о которых шла речь, описание едва ли не главный результат исследований. В ботанике, например, описание неизвестного прежде вида растения или определение границ распространения того или иного вида точно такое же открытие, как в физике открытие, полученное путем долгих и тщательных, порой остроумных экспериментов. И кто-то должен сделать такое описание первым.

Уже после первых же путешествий Владимира Клавдиевича Арсеньева можно было утверждать, что он внес заметный вклад во многие научные дисциплины. И вместе с тем все, что он делал, складывалось в особую, «арсеньевскую» науку — науку о Приморье.

Позже все эти сведения, разбросанные по путевым дневникам, перейдут на страницы многочисленных научных работ Владимира Клавдиевича Арсеньева, и работы будут высоко оценены в научном мире. Но об этом речь впереди.

Глава | ПРИЗНАНИЕ 10

Карта была цветной, многокрасочной. Как полагается, на ней были обозначены горные хребты и перевалы, большие и малые реки, озера, важнейшие города и селения Приморья.

Но кроме того, карту украшали искусно нарисованные фигурки людей, одетых в необычные для глаз петербуржца или москвича одежды, — гольдов, орочей, удэгейцев. Фигурки на карте показывали места, где жили эти народности.

Такую вот необычную карту осенью 1910 года Владимир Клавдиевич Арсеньев вез из Хабаровска в Москву и в Петербург. Он очень долго и тщательно работал над ее составлением, используя все собранные топографические и этнографические материалы. Пригодилось и умение рисовать; географическая карта превратилась, по сути, в своеобразное произведение искусства.

Больше десяти лет не был В. К. Арсеньев на родине. В 1900 году на Дальний Восток отправился никому не известный армейский поручик. В 1910 году назад возвращался исследователь, о всесторонних работах которого уже знали ученые и которого Русское географическое общество пригласило прочитать в Петербурге и Москве ряд лекций о его экспедициях

по Уссурийскому краю. Кроме красочной карты, Владимир Клавдиевич вез и обширные научные коллекции: образцы одежд, оружия, предметов быта народностей, населяющих край, который он так настойчиво изучал, коллекции ботанические и ихтиологические, образцы минералов.

Собранные коллекции были переданы исследователем в Этнографический отдел Русского музея. Высоко оценив проделанную путешественником огромную подвижническую работу, музей наградил его памятной серебряной медалью.

Это было серьезное признание научных заслуг Владимира Клавдиевича Арсеньева.

А лекции, которые он читал в Петербурге и в Москве, произвели настоящую сенсацию. Их слушали ученые, студенты, офицеры, юнкера. Отсюда — из двух столиц, старой и новой, далекая окраина казалась страной совершенно неизвестной, почти нереальной.

Но вот оказывается, что на самом деле это интереснейший край, населенный древними самобытными народностями, полный самых разных природных богатств, которые, кажется, никогда не будут исчерпаны.

Владимир Клавдиевич оказался превосходным рассказчиком. Далекий Уссурийский край предстал на его лекциях зримо, словно бы наяву. Доклады исследователя были столь увлекательны, что далекая окраина вызывала у слушателей желание немедленно, сейчас же отправиться туда, чтобы своими глазами увидеть все ее чудеса, пройти там, где до этого прошел отважный путешественник, стоящий сейчас за лекторской кафедрой, — пройти, чтобы, может быть, сделать и свои собственные открытия. К тому же В. К. Арсеньев прямо призывал своих слушателей к этому. «Людей у нас мало, — говорил он. — Окраине и ныне нужны Дежневы и Атласовы. Приедет к нам безымянный отважный человек, а уедет Ермаком или Шелеховым».

Доклады о природе, населении, флоре и фауне Уссурийского края, которые В. К. Арсеньев сделал в Русском географическом обществе и в Обществе любителей естествознания, антропологии и этнографии, слушали известные ученые-географы: П. П. Семенов-Тянь-Шанский, Ю. М. Шокальский, Д. Н. Анучин...

Был на лекциях и знаменитый путешественник, воспитанник и друг Николая Михайловича Пржевальского Петр Кузьмич Козлов, к которому Арсеньев относился с глубочайшим уважением.

Имя Козлова было у всех на устах в ту пору. Совсем недавно он вернулся из самого знаменитого своего путешествия. В 1907 году он отправился в монгольскую пустыню Гоби, чтобы найти развалины древнего города Хара-Хото, о котором глухо говорили древние легенды. И он после долгих поисков нашел его! Мертвый город окружали городские стены в десяток метров

вышиной. Но песок совсем их засыпал. Внутри стен тоже были только холмы песка, но под каждым скрывалось какое-то здание.

А в давние времена — теперь вся Россия знала об этом — город Хара-Хото был крупным центром государства Си-Ся, созданного тибето-бирманскими племенами, которых называли тангутами, в XI веке и просуществовавшего до XIII века, пока оно не было уничтожено ордами монгольских войск, начавших свои завоевательные походы.

Раскопки, произведенные Петром Кузьмичом Козловым в 1909 году, дали множество интереснейших и замечательных открытий: картины, ковры, ткани, деньги, украшения из золота, металлические и гончарные изделия. Но самым замечательным открытием была громадная для средневековья библиотека из двух тысяч древних книг и свитков, которые пролежали в песке семь веков. Был среди книг и словарь тангутского языка; позже это помогло ученым прочесть книги и пергаментные свитки, а ведь до этого тангутский язык считался умолкнувшим навсегда, подобно некоторым другим древним языкам.

Открытие мертвого города Хара-Хото, сделанное Петром Кузьмичом Козловым, позволило во многом прояснить подлинную историю государства Си-Ся. Самому же путешественнику оно принесло мировую известность.

И такой вот человек живо заинтересовался рассказами Арсеньева о его исследованиях в Уссурийском крае!

Огромную работу, проделанную Владимиром Клавдиевичем, открывшим для науки целый мир, высоко оценили в Географическом обществе. Петр Кузьмич Козлов после окончания одной из лекций при всех расцеловал Арсеньева и пригласил его к себе домой.

В петербургском доме путешественника В. К. Арсеньев рассматривал древние книги, вывезенные из Хара-Хото, предметы азиатской старины, читал письма Н. М. Пржевальского к своему ученику и другу.

Владимир Клавдиевич знал удивительную историю этой учебы и дружбы. Николай Михайлович Пржевальский случайно встретил Козлова в глуши Смоленской губернии, в городе Слободе, где юноша служил конторщиком у какого-то купца. Смышленный молодой человек понравился знаменитому путешественнику, и Пржевальский забрал его с собой, поселил в своей усадьбе, стал готовить к экзаменам за курс реального училища. А потом, прослужив несколько месяцев в армии (Пржевальский брал в экспедиции только военных), Козлов стал верным спутником знаменитого исследователя в его походах.

Одно из писем Н. М. Пржевальского Козлов даже подарил Арсеньеву, к которому почувствовал большую симпатию. Это письмо с тех пор Владимир Клавдиевич хранил в своем архиве как подлинное сокровище.

Да и его самого после прочитанных блестящих лекций в Петербурге многие сравнивали уже с Пржевальским, с Козловым. Он знал об этом. Но знал он также и то, что такие сравнения, хотя и весьма лестные, были все-таки не совсем верными. Имелось здесь одно существенное отличие. Дело в том, что Пржевальский и его ученики совершали грандиозные походы, перекраивали, создавали заново карты громадных областей Центральной Азии. Но они были все-таки пришельцами в тех местах, которые исследовали.

А сам он был теснейшим образом связан с тем краем, где проходили его собственные маршруты. Он ведь не только путешествовал по Уссурийскому краю, он все время жил там. Петербуржец по рождению, он с полным на то основанием считал себя дальневосточником.

К тому же в отличие от путешествий Пржевальского и Козлова, целью которых были прежде всего географические исследования, его собственные путешествия имели и прямой практический смысл: научные изыскания, которые он вел на своих маршрутах, были направлены на то, чтобы человек, вооруженный знаниями, мог полнее и умнее пользоваться богатствами Окраины.

Изучая рельеф Уссурийского края, он представлял себе будущие железные дороги и шоссейные пути, которые когда-нибудь пройдут по тайге. Он изучал условия плавания по морю, омывающему берега Уссурийского края. Описывая местную флору и фауну, он думал о том, как научиться бережно хранить живую природу и в то же время брать у нее все, что надо человеку.

А вот чисто экспедиционный опыт у них был схож. И у Петра Кузьмича Козлова еще многому можно было поучиться.

Беседуя со знаменитым путешественником, Владимир Клавдиевич старался узнать о самых мельчайших деталях его азиатских походов, знакомился с его путевыми записями. Материалы, собранные Петром Кузьмичом во время походов по Центральной Азии, Арсеньев самым тщательным образом изучал в петербургских музеях и архивах, где они хранились.

Но его опять настойчиво манил к себе Уссурийский край, правда, уже по-другому. Раньше он был совершенно неизвестным, таинственным, его только предстояло узнать, открыть; теперь же он стал местом, где столько еще предстояло сделать! И, повидавшись в Петербурге и в Москве с родными, с отцом, который к этому времени уже стал заведующим движением Московской окружной железной дороги, Владимир Клавдиевич Арсеньев вернулся в Хабаровск.

Еще до поездки общее собрание Приамурского отделения Русского географического общества в Хабаровске единодушно избрало его директором Хабаровского краевого музея. Военное начальство с этих пор практически полностью освободило Владимира Клавдиевича от обязанностей службы. В 1912 году

Арсеньев получил звание капитана (позже он будет подполковником), но официально был переведен из военного ведомства в Министерство земледелия и государственных имуществ «для производства обследований таежных районов в географическом, естественно-историческом и колонизационном отношении».

Теперь для Владимира Клавдиевича начался новый этап работы: он не столько путешествует по любимой уссурийской тайге, сколько обрабатывает и систематизирует материалы, собранные во время прежних больших походов.

Правда, такому человеку, как Арсеньев, нелегко было усидеть в городе. Путешествия он совершал и став директором краевого музея. Так, например, в 1911 году Владимир Клавдиевич предпринял небольшую экспедицию: он отправился из Владивостока в залив Ольги, обследовал реки Нахтоху, Кумуху, Тахобе, Тетюхе... В конце концов от устья реки Джигитовки Арсеньев и его несколько спутников вернулись на пароходе во Владивосток, а затем сушей в Хабаровск.

И в следующем году весной В. К. Арсеньев опять отправился в путь. Он побывал на реках Даубихе (ныне Арсеньевка), Тетюхе, Иман; эта экспедиция продолжалась до января 1912 года.

Целью этих путешествий было изучение таежных промыслов местных народов — это ведь тоже крайне интересно этнографу — и... борьба с браконьерами. С 1911 года в Приамурье был новый генерал-губернатор — Н. Л. Гондатти. Арсеньев непосредственно подчинялся ему, и отношения этих двух людей сложились непросто. Гондатти отрицательно относился к исследовательской деятельности Арсеньева, мешал ей, давал своему подчиненному нелепые, а иной раз и опасные задания...

Много работы оказалось у В. К. Арсеньева как у директора Хабаровского музея.

Коллекций, собранных в нем, оказалось достаточно. Зато в экспонировке господствовал невероятный беспорядок: в музее начисто отсутствовали какой-то план, логика показа. Посетители терялись перед обилием образцов оружия местных жителей, макетами их жилищ, фотографиями и рисунками, листами гербариев с местными растениями, образцами полезных ископаемых.

По твердому убеждению Владимира Клавдиевича, в музее должна была быть хронологически показана история освоения самого далекого края России, требовалось найти определенную и твердую систему в показе всего того, чем богат он, чем отличается от других мест громадной страны.

Здесь снова пригодились всегдашняя аккуратность В. К. Арсеньева, любовь к точности. Он сам с помощью нескольких сотрудников провел огромную по объему черновую работу, добиваясь того, чтобы музей стал образцовым научно-культурным учреждением своего времени, — рисовал подробные планы размещения экспонатов, устраивал витрины.

Сохранилась любопытная фотография Владимира Клавдиевича Арсеньева: в удэгейском национальном костюме, украшенном пестрым орнаментом-вышивкой, опершись на охотничье копьё с широким лезвием, он стоит в одном из залов Хабаровского краевого музея.

Музей при нем стал не только мемориально-зрелищным учреждением. Здесь же был организован и небольшой научный кружок, где нередко собирались хабаровские ученые, специализирующиеся в самых разных областях знания: химик И. П. Сафонов, этнограф А. И. Лопатин, этнограф и лингвист М. К. Азадовский, гидролог К. А. Гомоюнов, А. Н. Свирин, бывший большим знатоком древнего русского зодчества...

Не правда ли, весьма любопытен столь разнообразный подбор членов этого научного кружка? Но он лишний раз подчеркивает удивительную научную разносторонность В. К. Арсеньева — все его интересовало, ничто не оставляло равнодушным. Участники этих собраний обменивались интересными новейшими книгами по тем или иным научным дисциплинам, здесь то и дело возникали острые, живые дискуссии по самым разным вопросам, порой до самого утра не умолкали горячие споры...

Пост директора Хабаровского краевого музея Владимир Клавдиевич занимал вплоть до 1918 года.

Однако основным его рабочим местом был теперь письменный стол в хабаровской квартире. Но, оказывается, мечты о новых дорогах, новых открытиях и в это время не оставляли его.

И может быть, именно потому, что В. К. Арсеньев уже так хорошо, в совершенстве знал любимый Уссурийский край, его, прирожденного путешественника и исследователя, настойчиво влекли и другие места.

Сын В. К. Арсеньева Владимир Владимирович позже вспоминал, что начиная с весны 1911 года, сразу же после возвращения в Хабаровск после чтения лекций в Петербурге и в Москве, Владимир Клавдиевич стал всерьез задумываться о далеком путешествии на север, к Северному Ледовитому океану.

Отдыхая от увлекательной, но и утомительной повседневной работы за письменным столом, В. К. Арсеньев изучал книги о путешествиях Дежнева, Беринга, о Великой Северной экспедиции. Обширная библиотека исследователя теперь быстро пополнялась книгами о северо-восточных землях Сибири.

Маршрут путешествия на север Владимир Клавдиевич решил проложить строго по 135-му меридиану, что проходит через Хабаровск. Нужно было попытаться заранее как можно больше узнать о тех местах, где пройдет маршрут экспедиции. И В. К. Арсеньев в часы отдыха от работы за письменным столом знакомился с необходимыми сведениями по различным справочникам. Тщательно продумывались детали планируемого путешествия: снаряжение, необходимое количество продовольствия. Все надо было предусмотреть.

Подготовку к трудному северному походу, который, по замыслу, должен был состояться через несколько лет после обработки уссурийских материалов, Владимир Клавдиевич проводил, как всегда, со всем вниманием. К тому же некоторое время спустя у него появился консультант, советы которого во время подготовительной работы могли оказаться воистину бесценными.

В сентябре 1913 года в Хабаровске побывал знаменитый норвежский полярный исследователь Фритьоф Нансен. Он внимательно осмотрел приведенные в порядок коллекции Хабаровского краевого музея, совершил вместе с В. К. Арсеньевым несколько коротких экспедиций-экскурсий по Амуру, по таежным окрестностям Хабаровска.

В вышедшей два года спустя на нескольких языках книге «В страну будущего» Фритьоф Нансен немало места уделил рассказу об исследованиях русского путешественника, отмечая их огромную ценность для изучения и освоения далекой окраины России. Но это два года спустя. А сейчас, в 1913 году, полярный исследователь, имя которого после знаменитого ледового дрейфа на корабле «Фрам» гремит по всему свету, знакомится с планом нового путешествия Арсеньева и, основываясь на собственном богатейшем опыте северных экспедиций, дает советы, как победить снега и морозы, подсказывает, какие трудности и опасности могут ждать на пути.

Часами в хабаровском доме Арсеньева Нансен и хозяин дома рассматривали карту, которую уже вычертил Владимир Клавдиевич. 135-й меридиан был отмечен на ней красным пунктиром. В свою экспедицию В. К. Арсеньев собирался пригласить двенадцать смелых, испытанных людей, на которых он мог бы во всем положиться; весь путь к Северному Ледовитому океану предстояло проделать на собаках и оленях.

К берегам океана можно было бы выйти сравнительно простым путем: добраться до верховьев Лены или Колымы и доплыть до океанского побережья по воде. Однако намеченный маршрут был более тяжелым: предстояло исследовать реки Алдан, Адычу, Яну; по Яне экспедиция и должна была спуститься в Янский залив моря Лаптевых.

Свыше 4000 км предстояло преодолеть участникам будущей экспедиции по суше. Однако это только пешая часть пути, на котором нужно будет пройти леса, болота, победить морозы, страдать от гнуса, может быть, и от голода. А после этого утомительного путешествия еще более 7000 км морем вдоль побережья, обогнув мыс Дежнева и Камчатку, к Владивостоку!

Это был невероятно смелый по замыслу, необычайно дерзкий план.

Путешествие по суше должно было стать самым длинным меридиональным путешествием за всю историю географических открытий. А морское путешествие вдоль берега и сегодня для

экспедиции, располагающей самыми современными возможностями — радиосвязью, постоянным пополнением запасов продовольствия на маршруте с помощью вертолетов или самолетов полярной авиации, оказалось бы весьма нелегким и опасным.

В 1915 или 1916 году намеревался отправиться Владимир Клавдиевич к Северному Ледовитому океану. Но путешествие не было совершено: помешала первая мировая война...

Оно вообще так никогда и не состоялось: слишком много других дел — самых разнообразных — было потом у В. К. Арсеньева. Однако и годы спустя он повторял: «Имей я три жизни, прострочил бы ногами Северо-Восток России. И мы бы кое-что сделали для прекрасной северной русской земли».

Не получилась северная экспедиция. Но зато в те годы, когда всерьез обдумывалась ее идея, очень многое было совершено за письменным столом Владимира Клавдиевича Арсеньева.

Глава | КАБИНЕТНАЯ РАБОТА

11

На этом столе в хабаровской квартире всегда царил идеальный порядок. Была на нем картотека с выписками изображений природы у русских классиков — Тургенева, Пушкина, Толстого, Аксакова. В большой артиллерийской гильзе — память о русско-японской войне — помещались остро отточенные карандаши. На некоторых выдвижных ящиках стола, где хранились особенно ценные материалы, была сделана такая надпись: «При пожаре выносить в первую очередь».

Рабочее место человека аккуратного, привыкшего трудиться систематически и упорно.

Собранных за годы путешествий материалов было множество, они требовали обработки, оформления в виде научных работ, которые связали бы воедино разбросанные по страницам многочисленных дневников факты, наблюдения, заметки по зоологии, ботанике, истории, геологии, метеорологии, гидрологии Уссурийского края.

Арсеньев обрабатывал собранные материалы с присущей ему аккуратностью, проводя за столом долгие часы, исписывая страницу за страницей четким, ровным, характерным «арсеньевским» почерком.

В 1912 году Владимир Клавдиевич Арсеньев работал над «Кратким географическим очерком Уссурийского края» — своеобразным комплексным научным отчетом, составленным по материалам многих экспедиций.

Это труд ученого, владеющего пером так, как владеет им писатель. Уссурийский край показан здесь с самых разных сторон.

Так, Арсеньев-геолог дает на страницах «Очерка» подробное описание почв, пород, слагающих горы Сихотэ-Алиня, руд,

которые человек мог бы использовать, с указанием их точного местоположения.

Арсеньев-ботаник разворачивает перед читателем «письменный гербарий» с образцами всего огромного количества растений, что встречаются в Уссурийском крае. В этой главе ярко проявляется и забота В. К. Арсеньева о громадных лесных богатствах; он анализирует, например, наиболее частые причины лесных пожаров, намечает меры для их предотвращения.

«С исчезновением лесов,— пишет он,— начинает быстро исчезать и жизнь: улетают птицы, звери уходят, соболь пропадает. Если так будет продолжаться дальше, если не будут приняты меры к тушению пожаров, если сами жители не станут заботиться о тайге, не станут беречь и охранять ее от огня,— Уссурийский край очень и очень скоро очутится без леса и без зверя, но зато с наводнениями.

Интересно отметить, что на местах горелых, там, где уничтожены хвойные леса, начинает происходить заболачивание почвы, что тоже в значительной степени мешает появлению нового леса».

Очень интересны подробные описания всех обитающих в Уссурийском крае животных; здесь же даны практические рекомендации, как лучше добывать в местных реках рыбу и какую именно.

Тщательно, со всеми подробностями, характеризуется климат края. Причем исследователь не ограничивается только описанием; он сам пытается ответить на некоторые нерешенные тогда вопросы климатологии; ищет, например, причины частых туманов, появляющихся на морском побережье, находит все объясняющую разгадку.

Конденсация водяного пара в воздухе происходит тогда, когда температура воздуха быстро понижается ниже точки росы, т.е. той температуры, при которой свободный пар в воздухе имеет «наибольшую упругость». На основании этой закономерности и можно объяснить причины появления туманов возле самого берега.

«Обстановка такова,— пишет В. К. Арсеньев в главе «Климат»,— небо над материком покрыто слоистыми тучами в виде скатерти; дальше от берега небо чистое, безоблачное; море освещено солнцем; на крайнем востоке видны по горизонту белые кучевые облака, края их закруглены; утренний штиль сменяется ветром со стороны моря. Вдруг, совершенно неожиданно, у самого берега, где-нибудь около скалистого утеса, начинает образовываться маленькое облачко. Оно быстро увеличивается в размерах, и скоро все побережье затягивается туманом, тогда как море совершенно чисто. В данном случае образование тумана происходит от соприкосновения влажного, теплого воздуха, с холодной поверхностью камней и с поверхностью мысов, с низкою температурою лесной тундры.

Явление это удалось нам воспроизвести и эксперименталь-

ным путем, хотя и совершенно нечаянно. Надо было достать воды. Стали копать яму. Рабочие углубились на один метр и вскоре достигли мерзлоты. Едва яма была очищена от мусора и щебня и тем самым был дан свободный доступ наружному воздуху, как тотчас же она наполнилась паром, через минуту густой туман покрывал и всю ближайшую местность. Температура воздуха в стороне на открытой местности в тени была $+21^{\circ}\text{C}$ и на поверхности земли $+14^{\circ}\text{C}$, небо чистое, безоблачное, день светлый, солнечный, теплый, и ни в море, ни у берега нигде тумана не было видно. Трудно даже допустить существование водяного пара в таком чистом воздухе; а между тем конденсация его в холодной яме красноречиво говорила за то, что воздух был действительно насыщен парами».

И вновь проявляется хозяйский взгляд В. К. Арсеньева на те безграничные возможности, которые может подарить человеку Уссурийский край, если только человек будет бережен, внимателен к природе, разумен. Анализ многолетних метеорологических наблюдений позволил исследователю наметить наиболее благоприятные районы для высева хлеба. Вот он, личный пример разумного подхода к живой природе, умелого использования ее!..

Конечно, в «Очерке» наиболее полное отражение находят этнографические интересы В. К. Арсеньева. Здесь со всей тщательностью обрисованы чуть ли не все поселения местных малых народов, расположенные по берегам той или иной реки. Здесь подробно описан быт местных жителей, показано устройство их жилищ, обрисованы взаимоотношения в семье, в поселении, рассказано об их верованиях, преданиях, передающихся из поколения в поколение.

Прекрасные по отбору точных деталей этнографические описания оставил Владимир Клавдиевич Арсеньев.

«Когда вы подходите к юрте, вам прежде всего бросаются в глаза целые леса жердей, палок, на которых сушится рыба. Тут же, на берегу, лежат вытащенные из воды и опрокинутые вверх дном лодки. На стеллажах повешены сети для просушки. Завидя незнакомого человека, десятка два собак поднимают неистовый лай.

Недалеко от жилой юрты высится свайная постройка. Это амбар, куда складывается сухая рыба, мясо и все ценное имущество ороча. Все юрты сделаны из корья или бересты. Зимние юрты делаются из горбылей и накатника. Юрты чистых орочей построены несколько иначе: они прочнее, обширнее, чем юрты удэге. Именно, кроме крыши, в них есть и боковые стены. Щели в крыше никогда не заделываются — их просто засыпают снегом...

Юрты удэге много меньше размерами и представляют собой двускатную крышу, поставленную непосредственно на землю. Чтобы корье не коробилось от сухости и жары и чтобы его не сорвало ветром, его снаружи прижимают тяжелыми жер-

дями. У удэге зимних деревянных домов нет вовсе. Входы в юрту сделаны с обеих сторон и завешаны или полотнищем палатки, или куском коры или бересты. Вверху крыши оставлено отверстие для выхода дыма.

Как только вы войдете в дверь, вы непременно должны согнуться и пролезть или вправо или влево, иначе вы прямо попадете в огонь. Костер расположен посредине жилища. Стоять в юрте нельзя: надо или лежать, или сидеть. По обе стороны вдоль огня положены берестяные подстилки, устланные зверовыми шкурами. В головах лежат коробки, сундучки и свертки с различным имуществом. Тут же где-нибудь за корье заткнуты шаманский бубен, ружье, сошки, копье, самострелы и прочие охотничьи принадлежности. Женщины и дети помещаются около дверей с одной стороны, мужчины — в другой стороне юрты».

Этнографические описания В. К. Арсеньева не бесстрастны. Они хорошо показывают позицию исследователя. Все люди малых народностей, населяющих Уссурийский край, описаны им с большой симпатией. Исследователь подчеркивает их безукоризненную честность, неумение говорить неправду, готовность всегда оказать бескорыстную помощь другому человеку, если он в ней нуждается, поделиться последним.

И с большим убеждением Владимир Клавдиевич пишет о том, что малым народностям надо оказывать всемерную помощь. Орочей, гольдов, удэге часто косили эпидемии, — значит, больных надо было лечить. Надо было учить читать и писать неграмотных. Ведь эти люди были живой частицей Уссурийского края, и нельзя было представить себе край без них...

«Краткий географический очерк Уссурийского края» — он занимал, однако, более сотни страниц — обобщил весь богатейший материал, собранный исследователем за десять лет предыдущей экспедиционной работы; по сути, его надо назвать настоящей энциклопедией Уссурийского края, в которой можно найти ответ на почти любой так или иначе связанный с ним вопрос.

И еще одну научную работу закончил Владимир Клавдиевич Арсеньев в 1912 году: «Материалы по изучению древнейшей истории Уссурийского края». Здесь подробно описывались остатки древних городищ, которые исследователь не раз встречал на своем пути.

А в походных дневниках, бережно хранившихся в кабинете, оставался еще огромный необработанный материал; новые экспедиции будут увеличивать его. В ближайшие годы создаваемой В. К. Арсеньевым «науке о Приморье» предстояло пополниться десятками работ на самые разные темы.

Не все свое время Владимир Клавдиевич отдавал научной работе: Арсеньев-ученый уступал за тем же рабочим столом место Арсеньеву-писателю. В душе этого человека, очарованного Уссурийским краем, росло желание, нет, не желание — росла потребность показать его многим другим людям, создать живые художественные образы.

Что надо считать первой литературной работой Владимира Клавдиевича? Когда он готовился к сихотэ-алинской экспедиции 1908—1910 годов, А. П. Сильницкий, редактор хабаровской газеты «Приамурье», предложил путешественнику писать в газету «путевые письма». Так и появилась серия очерков, объединенных заглавием «Из путевого дневника». Они печатались в 1910—1911 годах. В 1912 году в «Приамурье» стали появляться отдельные главы книги о путешествиях 1902—1906 годов. Десять очерков было напечатано в газете. Впоследствии они почти целиком вошли в книгу «По Уссурийской тайге».

За столом Арсеньева-писателя рождался — в долгих поисках — новый тип повествовательной литературы о путешествиях. Уже и первые его очерки, первые пробы пера, отличались своеобразием, подчеркивающим большое литературное дарование Владимира Клавдиевича.

Литература о путешествиях делится, по сути, на два типа: непосредственные дневниковые записи, которые и публикуются в виде дневников, или же литературная их обработка, превращающая записи в очерки. А путевые очерки В. К. Арсеньева представляли собой нечто среднее между дневниковыми записями и классической очерковой формой изложения. На арсеньевских очерках словно бы лежит яркий отпечаток «походности», стиль изложения таков, что читателя не покидает ощущение: это не дневник, но обработка дневниковых записей происходила непосредственно во время экспедиции — где-нибудь у костра, в трудных или даже вовсе непригодных для литературной работы условиях.

Очерки между тем создавались дома, за письменным столом, — просто Владимир Клавдиевич Арсеньев умел, все более совершенствуя свое художественное мастерство, заставить читателя поверить в «походность». От путевых очерков путь лежал к книгам, которым предстояло стать знаменитыми, — «По Уссурийской тайге» и «Дерсу Узала».

Интересно проследить, сравнивая первые очерки, печатающиеся в газете «Приамурье», с главами изданных позже книг, то, как росло мастерство Владимира Клавдиевича.

Точнее становились выбранные детали; с помощью лишь нескольких из них ему удавалось создавать зримые, осязаемые образы природы во всем ее многообразии и изменчивости.

Немногими словами он мог точно охарактеризовать и человека. Спутники Арсеньева в его книгах — живые люди, образы их показаны в развитии, они раскрываются постепенно. Вот обратим внимание на то, как происходит знакомство Арсеньева с Дерсу.

Прежде всего слышен голос охотника, потом Дерсу Узала появляется издали, подходит ближе... Первые подробности в описании его внешности именно те, что может отметить один человек, бросив взгляд на другого, ни больше, ни меньше. Но потом, у костра, у автора появляется возможность внимательнее рассмотреть пришельца, и тогда — и только тогда — идет описание его фигуры, лица. Дальше — косвенный намек на характер пришельца, потому что в глазах его Арсеньев видит доброту...

Если на первых путевых очерках В. К. Арсеньева лежит нарочитый отпечаток «походности», в книгах он от нее освобождается, книги стали по-настоящему художественными произведениями, и их художественность только подчеркивает, усиливает и познавательное их значение. В. К. Арсеньев нашел наиболее подходящую форму для выражения того, что он хотел сказать читателю. Можно сказать, что путешественник-писатель создал особый литературный жанр — первопроходец в тайге, он и в литературе проложил свою собственную тропу.

Но мы уже останавливались на истории создания книг, которые автор закончил к началу 1917 года и не смог напечатать их сразу, потому что в военное время в типографиях не хватало бумаги. Давайте пойдем дальше вслед за В. К. Арсеньевым по его жизни.

1914 год. Первая мировая война свела в ожесточенной битве многие страны и народы. В 1917 году подполковник Арсеньев был мобилизован на фронт и выехал в 13-й запасной стрелковый полк, куда получил назначение. Уже далеко от Хабаровска, в Ачинске, он получил в пути телеграмму: по ходатайству Академии наук и Русского географического общества перед военными властями ему разрешалось вернуться домой, чтобы продолжить свои прерванные научно-исследовательские работы.

А на год раньше ученый В. К. Арсеньев совершил еще одно путешествие: в Маньчжурию, в город Харбин. Там по приглашению Русского общества ориенталистов (востоковедов) он выступил с несколькими докладами. Один из них — «Краткий физико-географический очерк бассейна реки Амура», другой — «Шаманство у сибирских инородцев и их анимистические воззрения на природу».

Первый доклад можно назвать своеобразным справочником по реке Амуру: здесь есть сведения о геологии речных берегов, о климате (любопытный факт привел В. К. Арсеньев: на Амуре иногда наблюдается даже такое чисто полярное явление, как красный снег), о реках, впадающих в Амур, о флоре и фауне

Приамурья, о народностях, живущих по обоим берегам великой реки.

Во втором докладе приводятся интересные этнографические сведения о быте, обычаях народов орочей и удэге, об их поклонении всему живому.

В представлении этих лесных людей все в природе живое. Даже сама земля — огромное живое существо: на северо-востоке лежит его голова, а на юго-западе ноги.

Утесы и скалы тоже живые — это люди, которые жили когда-то, а потом окаменели. Быстро бегущая река тоже живая сила. Животные — это тоже люди, как и сами орочи и удэге, только в другом облики. Но среди всех животных были особые, которые почитались богами. Главные — тигр и медведь, они считались отдаленными сородичами.

Лесные люди не были лишены своеобразной поэтичности. Любопытную легенду народа удэге о своем происхождении привел этнограф В. К. Арсеньев в этом докладе.

Сестра влюбилась в брата и хитростью заставила его жениться на себе; он и не подозревал, что жена на самом деле его родная сестра. У них были сын и дочь. Сыну птица рассказала о его происхождении, он об этом сказал отцу. Тогда отец в гневе убил жену-сестру, а детей бросил на звериных тропах. Но девочку подобрал медведь и, когда она подросла, женился на ней. А мальчика нашла тигрица и позже вышла за него замуж. От этих двух семей и произошел народ удэге...

За научные заслуги в изучении Дальнего Востока Общество русских ориенталистов 13 июня 1916 года избрало В. К. Арсеньева своим почетным членом.

В Хабаровск он вернулся накануне великих событий, потрясших огромную страну.

Была провозглашена Советская власть. Революция шагала по стране, завоеывая один город за другим. Но Окраина была слишком далеко; хотя во Владивостоке Советская власть была установлена 18 ноября, а в Хабаровске 6 декабря 1917 года по старому стилю, полную победу на Дальнем Востоке она одержала лишь к марту 1918 года.

Вслед за революцией началась гражданская война, в страну вторглись войска иностранных интервентов. В июле 1918 года страны Антанты объявили Владивосток международной зоной: город оккупировали японские и американские войска, в Приамурье хозяйничали белогвардейские отряды Семенова, Калмыкова, Колчака. Лишь в 1920 году на Дальнем Востоке частично снова была установлена Советская власть, однако 26 мая 1921 года белогвардейцы с помощью японских интервентов совершили контрреволюционный переворот во Владивостоке, в декабре того же года они захватили Хабаровск...

Но уже пробил их час.

12 февраля 1922 года войска белогвардейцев были разбиты

у станции Волочаевская. 14 февраля был освобожден Хабаровск. После взятия Спасска 25 октября 1922 года красные войска вновь вступили во Владивосток. Революция победила полностью и окончательно.

Все эти великие события, конечно, не могли не коснуться каждого из тех, кто жил на дальневосточной земле. Многие они изменили и в жизни Владимира Клавдиевича Арсеньева.

Еще в октябре 1917 года сорокапятилетний подполковник оставил армейскую службу. До этого, после Февральской революции, он состоял комиссаром Временного правительства по инородческим делам Приморской области.

Тогда состоялись его поездки в районы устья Амура и реки Тунгуски, целью которых было инспектирование положения малых народностей. О результатах Арсеньев подал два доклада, где показал бедственное положение нивхов, которых обирали купцы, грабили контрабандисты.

А в ноябре 1917 — феврале 1918 года В. К. Арсеньев совершил новую экспедицию.

Из Хабаровска, лишь с тремя спутниками, В. К. Арсеньев направился по реке Урми к ее верховьям, к гольдскому селению Колдок. Отсюда к реке Олго, на которой стоял поселок Талакана. Дальше вместе с несколькими проводниками-оленеводами В. К. Арсеньев продолжил путь на восток, к горным хребтам с местным названием Ян-де-Янге, что лежат немного западнее реки Амгунь. Через шесть дней пути на лыжах и оленях путешественник вышел в долину реки Уркана и к озеру Болонь, отсюда вместе со своим спутником он вернулся в Хабаровск.

И вновь большое количество этнографических записей, метеорологические наблюдения, сравнительный словарик названий животных и птиц на русском, нанайском, удэгейском, эвенкийском, якутском языках.

В годы интервенции видеть В. К. Арсеньева у себя на службе очень хотели бы белогвардейцы. Ведь он, как никто, знал таежные тропы, располагал подробными и точными картами. С помощью Арсеньева можно было выйти на скрывающиеся в тайге партизанские отряды, с помощью Арсеньева в случае необходимости белогвардейцы и сами могли бы надежно спрятаться в таежной чаще.

К В. К. Арсеньеву не раз являлись белые офицеры с самыми заманчивыми предложениями. Чтобы скрыться от них, иногда ему приходилось делать вид, что он ушел в очередной поход в тайгу. Скрывался он от белогвардейцев и в густом лесу Хехцира, в тридцати километрах южнее Хабаровска. Неподалеку от того места, где был похоронен когда-то Дерсу Узала (время не пощадило его могилы — здесь начали добывать гранит), он снимал дом. Но и сюда добрались контрреволюционеры, требовавшие подробные карты с обозначением самых скрытых троп. Получив твердый отказ Владимира Клавдиевича, бело-

гвардейцы в ярости обыскиали весь дом и подвал, но карт не нашли.

В. К. Арсеньеву пришлось переехать во Владивосток, оккупированный японцами.

Здесь Владимир Клавдиевич во Владивостокском народном университете читал лекции по краеведению, а во Владивостокском учительском институте — лекции по первобытной культуре Дальнего Востока. Эти лекции пользовались большим успехом, на них обычно присутствовали не только студенты, но и просто любознательные люди.

В 1920 году, когда в город вновь пришла Советская власть, Владивостокский учительский институт был преобразован в Дальневосточный государственный педагогический институт имени К. Д. Ушинского; там В. К. Арсеньев продолжал читать лекции по этому же курсу, добавив к нему еще и курс антропологии.

21 июля 1921 года, уже после подавления белогвардейского мятежа, Дальневосточный государственный педагогический институт избрал Владимира Клавдиевича Арсеньева профессором по кафедре краеведения и этнографии. В этом же году он одновременно начал работать и в Музее общества изучения Амурского края, возглавив там отдел этнографии.

А новые большие путешествия? Конечно, он мечтал о них даже и в эту труднейшую для страны пору...

Впрочем, и в эти тяжелые годы ему удалось все-таки совершить одно большое путешествие. Правда, не к Северному Ледовитому океану, куда он так стремился прежде. Однако впервые маршрут его экспедиции действительно вышел далеко за пределы Уссурийского края.

Глава | КАМЧАТКА, КОМАНДОРЫ, КАМЧАТКА

13

Заглянем теперь в конец XVII века.

Русские первопроходцы, основав на морском побережье Анадырский острог, совершают далекие походы на юго-запад, в земли коряков. От них-то они и слышали впервые о расположенной еще южнее реке Камчатке, протекающей по удивительной земле, из-под которой иногда с шипением вдруг вырываются, поднимаясь высоко вверх, огромные струи кипящей воды. А еще на этой земле есть горы, вершины которых иной раз начинают клубиться дымом, и, случается, изливается из вершин жидкий огонь...

В 1697 году на поиски этой странной земли вышел из Анадыря с отрядом в 120 человек казачий пятидесятник Владимир Васильевич Атласов.

Отряд дошел до реки, которая теперь называется Пенжина, прошел вдоль нее до Пенжинской губы, затем резко свернул к

востоку, к устью одной из рек, впадающих в Олюторский залив Берингова моря. Далее первопроходец двинулся вверх по реке Тигилю, перевалил через Срединный хребет и проник в долину реки Камчатки в районе Ключевской сопки.

Позже в своем письменном донесении, свидетельствующем, кстати, об остром, незаурядном уме, тонкой наблюдательности, Владимир Атласов, своеобразный этнограф и в этом смысле предшественник В. К. Арсеньева, так рассказывал о своей первой встрече с местными жителями — камчадалами:

«Одежду носят соболью и лисью и оленью, а пушат то платье собаками. А юрты у них зимние земляные, а летние на столбах вышиною от земли сажени по три, намощено досками и покрыто еловым корьем, а ходят в те юрты по лестницам. И юрты поблизку, в одном месте юрт ста по два и по три и по четыре. А питаются рыбою и зверем, а едят рыбу сырую, мерзлую. А в зиму рыбу запасают сырую: кладут в ямы и засыпают землею и та рыба изное. И тое рыбу вынимая, кладут в колоды, наливают водою и разжевши каменья кладут в те колоды и нагревают и ту рыбу с той водою размешивают и пьют... А ружья у них — луки усовые китовые, стрелы каменные и костяные, а железа у них не родится».

Перед нами образец этнографической работы, относящейся к XVII веку.

Камчадалы, встреченные Атласовым — встреча была мирной, — рассказали ему, что иногда к ним приходят другие племена камчадалов, более воинственные, грабят их и убивают. Они просили русских помочь им против врага — «смирить, — как писал потом Владимир Атласов, — чтобы они жили в совете».

Атласов внял просьбе. Камчадалы вместе с отрядом русских поплыли в лодках вниз по реке Камчатке. Три дня спустя подошли к селению враждебного племени. «И он де Володимир, — сообщал позже в своем отчете В. Атласов, — с служилыми людьми, их, камчадалов, громили и небольших людей побили и посады их выжгли».

Собрав у местных жителей сведения о низовьях реки Камчатки, Атласов повернул назад. Дойдя до западного берега полуострова, отряд двинулся на юг и добрался почти до самой южной оконечности Камчатки. Наконец, когда уже на исходе были припасы, а главное, порох и свинец, первопроходец решил, что пора возвращаться в Анадырский острог. А вернувшись в 1700 году с подробным письменным отчетом о своем походе, Владимир Атласов отправился в Москву.

Так был открыт Камчатский полуостров.

В XVIII веке на Камчатке побывал Витус Беринг; позже ее всерьез изучал Степан Петрович Крашенинников, описавший и геологию полуострова, и флору, и фауну, и население. В 1756 году вышел фундаментальный труд С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки».

А еще полтора с лишним века спустя Владимир Клавдиевич Арсеньев с интересом разглядывал найденные им вблизи села Верхне-Камчатское старинные русские монеты, куски железа, медные пряжки. Исследователь XX века обнаружил следы стоянки своего предшественника — первопроходца Владимира Атласова, с описанием путешествия которого, как и путешествий Беринга и Крашенинникова, детально ознакомился перед тем, как отправиться в очередную большую экспедицию.

Новый маршрут Владимира Клавдиевича пролег по полуострову Камчатка. Она, как и многие другие земли — Средняя и Центральная Азия, побережье Северного Ледовитого океана, — всегда манила В. К. Арсеньева, казалась ему одним из интереснейших мест на Земле.

Здесь были вулканы, некоторые из них действующие, здесь били горячие гейзеры. А самое главное, несмотря на то что на Камчатке уже побывали многие исследователи, полуостров и до сих пор оставался сравнительно мало изученным.

В 1918 году Владимиру Клавдиевичу представилась наконец возможность побывать на Камчатке. Полуостров был очень слабо заселен; Петропавловск, главный камчатский город, насчитывал чуть больше тысячи жителей. Приморское переселенческое управление предложило В. К. Арсеньеву обследовать долину реки Камчатки в поисках мест, пригодных для основания новых поселений.

Это путешествие сложилось так. В. К. Арсеньев отправился на Камчатку на пароходе «Сишан». По пути пароход заходил в японский порт Хакодате. В городском музее была выставлена интересная палеонтологическая коллекция, собранная на южной оконечности острова Хоккайдо; Арсеньев не упустил возможности ее осмотреть. Оставив Хакодате, «Сишан» прошел Сангарским проливом и вдоль Курильской гряды направился к Петропавловску-Камчатскому. Отсюда В. К. Арсеньев морским путем добрался до устья реки Камчатки и поднялся вверх по ней на моторном катере.

В селе Мильково путешественник снарядил вьючный караван и двинулся через села Верхне-Камчатское и Шеромское к Ганальскому перевалу. Возле села Камани он внимательно осмотрел места древних камчадалских поселений — их описывал в 1728—1729 годах С. П. Крашенинников. Неподалеку от села Верхне-Камчатское Владимир Клавдиевич и нашел старинные предметы, относящиеся к походу первооткрывателя Камчатки Владимира Атласова...

И, рассматривая эти реликвии, позже переданные им в Хабаровский краевой музей, он, должно быть, размышлял о великой связи всех исследователей в истории географической науки: один приходит на смену другому, продолжает дело, начатое предшественником, и делает больше, чем он. Но возможно это лишь потому, что кто-то когда-то был первым и проложил дорогу другим.

После Ганальского перевала В. К. Арсеньев спустился вниз по реке Быстрой, преодолел Начикинский перевал и наконец по реке Аваче вышел в Авачинскую бухту. В Петропавловске-Камчатском он сел на один из последних в эту навигацию пароходов, шедших во Владивосток.

В. К. Арсеньев собрал множество интереснейших сведений о природе, животном и растительном мире Камчатки. Он отметил ужасные условия жизни камчадалов в период, предшествующий установлению Советской власти. Арсеньев-этнограф занес в дневник сведения о том, как камчадалы добывают огонь, строят дома, лодки, нарты, о верованиях, мировоззрении, житейских обычаях, обрядах. Были собраны данные и по географии полуострова, по вулканической деятельности, были изучены останки вымерших животных — мамонта и носорога...

Владимир Клавдиевич Арсеньев еще вернется на Камчатку — пять лет спустя, в 1923 году.

А в 1921 году — вспомним, что именно в это время закончилось действие предыдущей главы — в его жизни произошло событие, которого В. К. Арсеньеву пришлось ждать так долго!..

Во Владивостоке была напечатана его первая книга — «По Уссурийской тайге».

Это было невзрачное на вид издание: плохой была бумага, неважным полиграфическое исполнение, да и не могло быть иначе в эти трудные годы, когда страна нуждалась буквально во всем. Но это было, как считал сам Владимир Клавдиевич, одним из самых важных событий его жизни, это был результат многолетней работы и к тому же память об уссурийском следопыте, с которым свела его когда-то судьба на таежной тропе и который, даже уйдя из жизни, остался с ним навсегда.

Два года спустя во владивостокском издательстве товарищества «Свободная Россия» примерно в таком же полиграфическом исполнении вышла книга В. К. Арсеньева «Дерсу Узала».

Много будет у нее потом переизданий, и большинство из них уже не доведется увидеть самому Владимиру Клавдиевичу. Книга пойдет по всему свету. Дерсу Узала и другие ее герои заговорят по-английски, по-французски, по-немецки, по-шведски, по-итальянски, по-датски: книги будут большого формата и такие, которые можно носить в кармане; бумага изданий будет роскошной, мелованной, или тонкой, почти папиросной. В общей сложности к 1983 году книга издавалась около семидесяти раз, общий тираж ее составил миллионы экземпляров... Но, конечно, как и любому автору, Владимиру Клавдиевичу это первое издание было особенно дорого.

То, что до этого за письменным столом переживал лишь он один да самые близкие друзья, которым иногда читались отрывки из книг, станет теперь достоянием многих. Сотни, тысячи людей пойдут теперь за ним в Уссурийскую тайгу, увидят ее красоты, ясно поймут, сколь многое может

дать человеку этот чудесный край, если только он, человек, будет жить в мире и согласии с природой...

И может быть, даже хорошо, что книги его вышли именно в это время, а не раньше. Ведь только теперь, как видел Владимир Клавдиевич, появились все реальные возможности для преобразования дальневосточного края, для разумного, научного использования всех его неисчислимых богатств — это показали первые же шаги Советской власти.

Придет время, и на дальневосточной земле поднимутся заводы, перерабатывающие руду, что будут добывать здесь же, в рудниках, которые предстоит открыть, в чугуны и сталь. Поплывут в океан рыболовные суда, чтобы вернуться с богатыми уловами. Встанут по берегам рек новые города, связанные дорогами, которые пройдут по таежной части, население дальневосточной земли увеличится на сотни тысяч человек, и каждому найдется здесь дело...

Да и самому Владимиру Клавдиевичу Арсеньеву немало еще предстояло сделать в созданной им «науке о Приморье», помогая всем тем, кто будет здесь жить и работать.

В тот год, когда вышла книга «Дерсу Узала», он отправился в новое путешествие — на Командорские острова, где собирал краеведческие материалы, а на обратном пути во Владивосток судно «Томск», на котором он плыл, зашло в Петропавловск-Камчатский. Оно должно было простоять в порту лишь двое суток, но стоянка, однако, затянулась на целых три недели, и это дало В. К. Арсеньеву возможность ко всему огромному запасу впечатлений, собранному за годы экспедиционной жизни, добавить еще одно — особенное, не похожее ни на одно из прежних впечатлений.

Вместе с несколькими спутниками он спустился в кратер Авачинской сопки — действующего вулкана.

Последнее извержение вулкана произошло за четырнадцать лет до этого, в 1909 году. Однако из жерла Авачинской сопки постоянно продолжали вырываться пары и газы. «Вследствии этого,— написал потом Владимир Клавдиевич,— восхождение на Авачинский вулкан и в особенности спуск в его кратер сопряжены с некоторым риском».

Сопряжены с риском? Но разве не рисковал он постоянно в своих прежних скитаниях по тайге?!

Семь человек приняли участие в походе на вулкан: шесть, включая самого В. К. Арсеньева, с парохода «Томск» и ботаник-любитель из Петропавловска-Камчатского, которому уже дважды случалось подниматься на Авачинскую сопку и один раз на другой действующий вулкан — Вилучинскую сопку.

4 августа 1923 года маленький отряд начал путь к Авачинской сопке, которая лежит в 30 км к юго-западу от Петропавловска-Камчатского.

За 10 км до подножия Авачинской сопки кончился лес

и потянулась тундра — память о катастрофическом извержении вулкана 28 мая 1855 года. Тогда, как описывали это очевидцы — жители Петропавловска-Камчатского, густое облако пепла и дыма закрыло большую часть неба. Столб огня поднимался из кратера на огромную высоту. Извержение не прекращалось несколько недель, непрерывные подземные толчки ощущались за десятки километров от вулкана. Лава выжгла леса, а пепел густым слоем покрыл все вокруг. Тогда-то и образовалась пустыня, которая теперь только-только начинала покрываться низкой тундровой порослью кедра да можжевельником.

Последующие извержения — 1878, 1881, 1894 и 1909 годов — оказались куда более мирными. Жители Петропавловска-Камчатского даже не без удовольствия, пожалуй, наблюдали по ночам эффектную, красочную картину: высоко в небе словно бы горел костер, от которого полого тянулись вниз тягучие языки пламени...

И все же вулкан всегда остается вулканом, в любую минуту он может взорваться.

Маленький отряд с вьючными лошадьми медленно поднимался по склону Авачинской сопки. Он словно шел по пустыне: в воздухе не было ни птиц, ни насекомых. Было очень тихо, лишь иногда раздавались глухие, ухающие звуки оседающей в подземных провалах почвы.

На высоте 900 м над уровнем моря кончились низкорослые тундровые кустарники и начались мхи. Граница оказалась такой резкой и прямой, как будто ее провел кто-то, специально следящий за тем, чтобы кустарники не забирались на территорию мхов и наоборот.

Здесь маленькая экспедиция разбила бивак, чтобы рано утром пойти на штурм вулкана.

Вечером, когда солнце склонилось к горизонту, участники похода могли наблюдать красивейшее зрелище. Косые лучи заходящего солнца окрашивали газы, постоянно вырывающиеся из кратера, в золотисто-оранжевый цвет, и казалось, что высоко в небо поднимаются языки какого-то удивительного, фантастического костра.

На следующий день ровно в полдень, с трудом вскарабкавшись по осыпям из застывших кусков лавы, пемзы, стекловидных шлаков, экспедиция поднялась на вершину вулкана. Облака остались внизу, здесь ярко светило солнце, и можно было отважиться на рискованную попытку спуститься в кратер, тем более что вулкан по всем признакам настроен был миролюбиво, лишь изредка из фумарол — трещин на дне кратера — с шипением вырывались струи газа.

На каждого, кто видит кратер вулкана, зрелище это всегда производит неизгладимое впечатление. В первый же раз в особенности. Кратер Авачинской сопки представлял собой громадную воронку чуть ли не километровой окружности и

глубиной в сотню метров. Северный и западный края этой воронки оказались совершенно отвесными, однако с южной или восточной стороны по глыбам застывшей лавы, проявив некоторую ловкость, можно было спуститься вниз.

Дно кратера оказалось заваленным большими глыбами теплого базальта, имеющими самые разнообразные, причудливые формы. Вблизи было видно, что струи газа, то и дело вырывающиеся из фумарол, окрашены в зеленовато-желтый цвет. Серные испарения вызвали сильную головную боль. Но все же маленькому отряду удалось почти вплотную подойти к главной фумароле кратера, из которой с ревом вырывались, поднимаясь вверх на десятки метров, желто-зеленый газ и клубы пара. Здесь дно кратера было настолько раскалено, что камни возле фумаролы растрескались от жара. Брошенный на камень листок бумаги мгновенно обугливался, но не загорался из-за присутствия в воздухе угольной кислоты.

В кратере Авачинской сопки участники этой маленькой экспедиции провели около двух часов. Верный многолетней привычке, Владимир Клавдиевич здесь же, среди вырывающихся из трещин в земле газовых струй, тщательно занес все впечатления в дневник. Затем отряд двинулся в обратный путь...

Однако спуск в кратер действующего вулкана был для Владимира Клавдиевича лишь смелым приключением, своего рода научной экзотикой. Серьезной работы, повседневной, необходимой многим, было у него в это время несравненно больше, чем экзотики, и увлекала она его больше.

Глава | И СНОВА В ТАЙГУ

14

В 1924 году В. К. Арсеньев вновь переехал из Владивостока в Хабаровск и снова стал директором Хабаровского краевого музея.

В то же время много сил он отдавал и другой работе — на посту ученого секретаря президиума совета Дальневосточного кабинета народного хозяйства при Далькрайплане. Еще одной сферой его повседневной деятельности оказалось преподавание краеведения в Хабаровском педагогическом техникуме.

Советское правительство по-хозяйски приступало к освоению природных ресурсов Дальнего Востока. Здесь помощь Владимира Клавдиевича оказалась неоценимой для целого ряда организаций.

Так, например, в 1924 году ВСНХ вызывал его сначала в «сибирскую столицу» Читу, а затем и в Москву, где он принимал участие в правительственном обсуждении организации рыбного промысла на Дальнем Востоке. В Москве В. К. Арсеньев встречался и беседовал с председателем ЦИК СССР

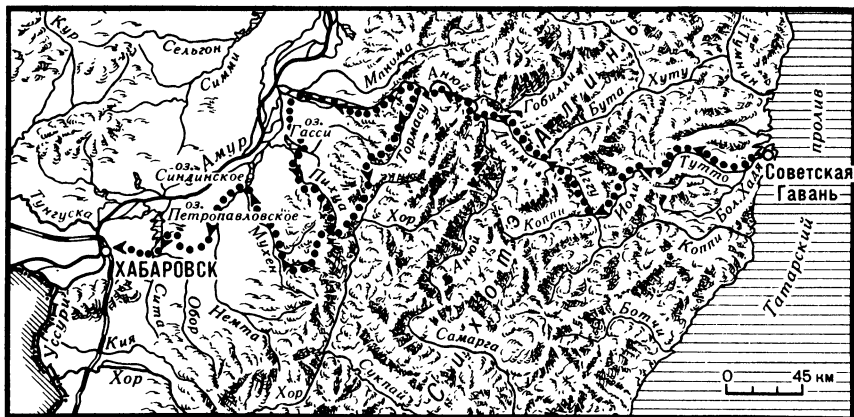

Рис. 5 Схема маршрута экспедиции В. К. Арсеньева от Советской Гавани до Хабаровска в 1927 г.

Михаилом Ивановичем Калининым.

В журналах отдельными брошюрами выходят все новые работы Владимира Клавдиевича Арсеньева, посвященные самым разным аспектам «науки о Приморье». На рабочий стол исследователя ежедневно ложатся десятки писем, приходящих из самых разных уголков огромной страны, от ученых, студентов, школьников, рабочих, крестьян.

В 1925 году, когда Академия наук СССР праздновала 200-летие со дня основания, дальневосточные краевые, советские, общественные и научные организации командировали в Ленинград для участия в торжественных академических заседаниях Владимира Клавдиевича Арсеньева.

После этого он снова переехал из Хабаровска во Владивосток, теперь уже окончательно.

Здесь в 1926 году в издательстве «Книжное дело» вышла объединенная диалогия «В делях Уссурийского края», в которую вошли несколько переработанные книги «По Уссурийской тайге» и «Дерсу Узала». Предисловие к этому изданию написал Фритъоф Нансен.

Но и с путешествиями далеко еще не было покончено. Летом 1926 года Владимир Клавдиевич Арсеньев участвовал в экспедиции Наркомзема СССР, во время которой провел своеобразную перепись лесного населения по берегам рек Мухень, Манома, Тормасунь. В Наркомземе, помимо этого, были представлены и ботанический, почвенный отчеты, отчет о состоянии лесных ресурсов.

А в 1927 году В. К. Арсеньев вновь стоял во главе крупной экспедиции.

Этой экспедиции предстояло пройти по северным районам Приморья, причем значительная часть маршрута должна была

пролечь по совершенно безлюдной тайге, где не было ни одного селения «лесных людей».

Цель — топографическое и геологическое обследование территории, изучение возможностей экономического освоения этих пустынных районов.

Путь экспедиции, в состав которой входили, кроме самого Арсеньева, зоолог А. И. Кардаков и геоботаник Н. Е. Кабанов, а также несколько проводников из местных жителей, начался в Советской Гавани. Снарядив три лодки, путешественники стали подниматься вверх по реке Большая Хадя, потом по ее левому притоку Тутто. Когда река стала мелкой, лодки пришлось оставить и дальше двигаться пешком, неся немалый экспедиционный груз на себе.

Пройдя один из перевалов, В. К. Арсеньев и его спутники спустились в истоки реки Йоли.

Здесь «туземным способом» была выдолблена из ствола огромного тополя лодка, которая могла вместить весь отряд; на этой лодке по Йоли экспедиция добралась до реки Коппи, а потом по ее левому притоку Иггу стала подниматься к Сихотэ-Алиню.

Дальше — к истокам рек Дынми, Гобилли; затем В. К. Арсеньев прошел реки Пихцу, Мухен, Немту и наконец прибыл в Хабаровск.

Весь поход занял 106 дней. За это время было пройдено 1873 км — 863 км пешком и 1010 км по рекам на лодках.

В этом путешествии не было драматических событий, если не считать большого подъема воды на одной из таежных рек, была обычная, повседневная работа.

Топографическая и геологическая съемка. Метеорологические наблюдения.

Как всегда, вечерами у костра Владимир Клавдиевич записывал в дневники все дневные события, беседовал с проводниками-удэгейцами, слушал их рассказы о жизни и быте местного народа, народные предания и легенды.

По крупицам ученый-этнограф пополнял свод своих знаний о народе удэге, изучение которого с течением времени сам он стал считать главным делом своей жизни.

Он уже очень многое знал об удэгейцах — говорил на их языке, изучил различные диалекты.

Собрал большой лингвистический материал — заметки о грамматике удэгейского языка, сравнительные словарики с языками других народностей — орочей, нанайцев, словарь местных пословиц.

Записал множество преданий изучал историю происхождения удэгейских имен, знал обряды, связанные с теми или иными событиями жизни, — рождение ребенка, охота, смерть... И все-таки каждое из путешествий давало все новые этнографические материалы.

В этот раз В. К. Арсеньева поразила, например, впервые услышанная удэгейская легенда о ганигах — прекрасных женщинах с рыбьими хвостами, которые живут в воде. Но иногда ганиги выходят из рек и окликают какого-нибудь человека по имени, этот человек после этого непременно должен вскоре утонуть.

Ганиги угоняют из-под носа у людей рыбу, ломают рыбацьи лодки, портят сети, уносят остроги. Чтобы прогнать эту призрачную водяную женщину с рыбьим хвостом, надо громко крикнуть или выстрелить из ружья...

Как, какими путями попала сюда, в глушь уссурийских лесов, родившаяся далеко на западе сказка о русалках?.. Может быть, в древности переселения народов были гораздо более масштабными, чем это представляется ученым?

Описал В. К. Арсеньев в дневнике сцену шаманства в одном из удэгейских селений. Эти обычаи тоже интересовали его, он не раз видел такие сцены и прежде, а в Харбине, выступая перед востоковедами разных стран, он даже делал доклад о шаманстве среди малых народностей Уссурийского края.

И все-таки, несмотря на внешнюю обыденность, путешествие это из Советской Гавани в Хабаровск было для Владимира Клавдиевича Арсеньева по-своему примечательным: во многих точках маршрут его пересекался с маршрутами его прежних походов по Сихотэ-Алиню, он как бы вновь окунулся в давние уже годы.

Он нашел, например, доску, прибитую к высокому дереву в 1909 году, на которой была надпись: «Перевал русского географического общества. 28 марта 1909 г. В. К. Арсеньев, казак Крылов, стрелки: Марунич, Рожков, Глегола». Теперь ниже этой доски Владимир Клавдиевич прибил еще одну: «21 июля 1927 года. В. К. Арсеньев, А. И. Кардаков, П. Хутунка, Ф. Мулинка, А. Намука и С. Геонка». Последние имена принадлежали местным проводникам-удэгейцам.

На реке Анюй В. К. Арсеньев вспоминал о том, какой она была в 1908 году — бурной, непокорной, подниматься по ней вверх можно было лишь с величайшим трудом, люди изнемогали от усталости, работая шестами. Теперь Анюй стал тихим, очень спокойным — либо в нем стало меньше воды, либо произошло выравнивание дна.

Наверное, в эти минуты он думал о том, что и сам стал теперь иным, что нынешний опыт не сравнить с тем, что был тогда, но вместе с тем и ушло что-то, что есть у тех, кто сейчас молод...

И может быть, все сильнее становилось у него тогда желание осуществить еще одну давнюю мечту — написать большую книгу совершенно особого рода, книгу, в которой суммировался бы весь его экспедиционный опыт: «Теория и практика путешествий в Приамурском крае».

Книга эта включала бы в себя и чисто практические советы: с чем можно столкнуться в тайге, что брать с собой в экспедицию в зависимости от времени года и т. д., но вместе с тем стала бы и неким нравственным компасом для тех, кто будет ходить в тайге после него. А такой компас не менее необходим, чем сведения о том, как разбить бивак для ночлега или переправиться через бурную таежную реку.

Думая годами об этой будущей книге, Владимир Клавдиевич Арсеньев часто вспоминал эпизод из своего третьего путешествия по Сихотэ-Алиню в 1908—1910 годах. Удэгеец-проводник вел его через перевал, по которому двадцать лет назад он провожал другого русского путешественника.

Тогда В. К. Арсеньева поразило, насколько точно, во всех мельчайших подробностях, запомнил удэгеец то путешествие двадцатилетней давности. Владимир Клавдиевич записал:

«Дикая тайга, редкое население, но какие прочные следы оставляет за собой каждый путешественник! О нем говорят. Через десять — двадцать лет можно на месте проследить маршрут каждого исследователя, узнать, как он шел, где ночевал, чем болел, какие у него были успехи и промахи, каковы были отношения между участниками экспедиции, кто с кем ладил, кто с кем ссорился и т. д. Да где же это записано? Нигде. Люди уходят, а дела их остаются, и об этих делах из поколения в поколение будут передавать местные жители, и не только то, чему они сами бывали свидетелями, но и то, что они усмотрят по следам, оставленным в пути и на биваках. Тайга не город, где легко скрыться».

Владимир Клавдиевич Арсеньев очень хорошо знал: и хорошие, и худые поступки пришельца останутся в тайге на долгие годы. Значит, путешественник должен высоко нести человеческое достоинство.

...Но эту книгу он так и не успел написать.

Глава

15

ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

Вот еще одно белое пятно в жизни и деятельности В. К. Арсеньева, и если бы удалось уничтожить его, Арсеньев-исследователь еще больше открылся бы нам; мы точно бы знали, сколь многое успел он сделать в этнографии.

Многие годы, по свидетельству современников, Владимир Клавдиевич работал над большой этнографической монографией «Страна удэге».

Это был серьезный научный труд, обобщающий громадные по объему этнографические материалы, собранные в многочисленных экспедициях. Однако завершить монографию В. К. Арсеньев не успел; он подготовил лишь по ее материалам относительно небольшой по объему популяр-

ный очерк «Лесные люди удэгейцы», вышедший в свет в 1926 году во Владивостоке. Впрочем, и неоконченная монография имела бы огромную научную ценность. Но... здесь и появляется вновь белое пятно.

До 1946 года, как это точно известно, увесистая папка со всеми этнографическими материалами объемом в тысячи страниц — многочисленными удэгейскими легендами, песнями, словарями, описаниями быта, верований, взаимоотношений удэгейцев друг с другом — хранилась в архиве Приморского филиала Географического общества СССР под номером 64. Потом она бесследно исчезла...

Пока никто не знает, какой оказалась судьба этой папки. Цела ли она, хранится где-нибудь или у кого-то? Или безвозвратно утрачена, потеряна? Найдут ли ее когда-нибудь?

Неизвестно!

(Надо заметить, что архивным материалам, связанным с В. К. Арсеньевым, вообще не повезло. Очень многие из них оказались по разным причинам утраченными. Значит, исследователей его жизни и деятельности, возможно, ожидают интереснейшие находки — неизвестные работы, экспедиционные дневники, фотографии, составленные Арсеньевым карты, его записные книжки, письма. А большая часть сохранившихся материалов хранится ныне в архиве Географического общества СССР в Ленинграде. Но даже и без этой, главной работы своей жизни Владимир Клавдиевич Арсеньев сделал в «науке о Приморье» невероятно много, и, как мы уже знаем, не только в этнографическом ее аспекте.

Полный перечень опубликованных научных работ исследователя занял бы несколько страниц. Проблемы, которых он касался, были самыми разными. Дальний Восток интересовал исследователя как единое целое, всю жизнь он изучал его всесторонне, став в конце концов знатоком-энциклопедистом края, который он исходил вдоль и поперек.

Даже одни названия работ В. К. Арсеньева говорят о широте его интересов. Вот, например: «Материалы по древней истории Уссурийского края», «Вымирание инородцев Амурского края», «Этнологические проблемы на востоке Сибири», «Соболь и способы охоты на него в Уссурийском крае», «Обследование Уссурийского края в археологическом и археографическом отношениях», «Туземные способы соболевания в Уссурийском крае и скупка мехов», «Задачи исследовательских работ на Дальнем Востоке», «Естественно-исторические факторы колонизации Дальнего Востока», «Население Дальнего Востока как производительный фактор», «Тихоокеанский морж», «Ледниковый период и первобытное население Восточной Сибири», «Полярная тундра Уссурийского края», «Шаровая молния», «Быт и характер народностей Дальневосточного края», «Искатели женьшеня в Уссурийском крае»...

И каждая из этих, а также многих других работ — серьезное научное исследование с привлечением множества фактов, значительная часть которых ранее, до Арсеньева, была, как правило, совершенно неизвестна.

Где, в самом деле, в каком из справочников можно было бы найти самые подробные сведения о знаменитом женьшене, «корне жизни»? Работа В. К. Арсеньева о нем невелика по объему, но исчерпывающа — исследователь собрал даже легенды о его происхождении.

«В восточной Маньчжурии, в горах Нанган-Шаня, жили два знаменитых рода — Си-лянь и Лян-серл, вечно враждующих между собой. Представителем рода Си-лянь был знаменитый воин Женьшень; он защищал слабых, угнетенных, отличался удивительной храбростью, был справедлив и великодушен. Он унаследовал от своих предков все душевные их богатства. Сон-ши-хо из рода Лян-серл был редкой красоты мужчина, смелый и энергичный. Он сделался хунхузом (разбойником), собрал толпу разбойников и с ними совершал нападения на соседей. Женьшень давно собирался усмирить Сон-ши-хо, но жизненные пути их нигде не встречались. Но вот Сон-ши-хо вздумал сам напасть на Женьшenea. Судьба покровительствовала последнему. Сон-ши-хо был взят в плен, закован в цепи и посажен в глубокую яму. Долго томился Сон-ши-хо в заточении и, вероятно, погиб бы, если бы ему на помощь не пришла красавица Ляо, сестра Женьшenea. Ляо влюбилась в разбойника, освободила его из ямы и убежала с ним из дома брата. Как только Женьшень узнал об этом, он бросился за Сон-ши-хо в погоню и скоро догнал его в диком ущелье Сяо-ли-фаня. Услышав за собой погоню, Ляо спряталась в кусты, а Сон-ши-хо приготовился к единоборству. Оба врага вступили в страшный бой. Силен был Сон-ши-хо, но искусен и ловок был Женьшень. Он нанес Сон-ши-хо смертельный удар в грудь. В это время Ляо вскрикнула от испуга. Женьшень обернулся, и это погубило его. Сон-ши-хо глубоко в горло Женьшenea вонзил свой острый меч. И Женьшень, и Сон-ши-хо оба пали мертвыми. Долго оплакивала красавица Ляо своего возлюбленного и своего брата, плакала она до тех пор, пока не завяла красота ее и пока она не засохла так же, как засыхает растение; а на том месте, где падали ее горячие слезы, вдруг выросло удивительное растение женьшень, источник жизни».

А другая легенда, которую тоже тщательно записал Владимир Клавдиевич, утверждает, что женьшень зарождается... из молнии. Духи, владеющие силами природы и живущие за облаками, посылают на землю дожди, гром, молнии — огонь и воду. Огонь и вода — два начала жизни, они зло и добро, тьма и свет; в вечной вражде между ними определяется движение и покой, именно эта вражда, по легенде, создает в мире постоянство и гармонию. Если молния ударит в то

место на земле, где бьет холодный источник с чистой, прозрачной водой, то источник иссякнет, а сила небесного огня превратится в другую чудесную силу — в женьшень...

Наверное, не сразу, не вдруг открылись Владимиру Клавдиевичу все тайны, связанные с женьшенем. Небольшая статья «Искатели женьшеня в Уссурийском крае» — всего-то полтора десятка страниц — потребовала многолетней работы: он встречался во время путешествий по тайге с искателями женьшеня, он умел внушить им доверие к себе, а ведь «лесные люди» тщательно скрывали свои женьшеневые «плантации» и тайны поисков и возделывания растения. Слишком дорого ценился «корень жизни», возвращающий силы, здоровье, бодрость, чтобы можно было делиться такими секретами с пришельцами. Но Владимир Клавдиевич проник в тайну женьшеня, как проникал он и во многие другие таежные тайны; он подробно описал это удивительное целебное растение, которое прежде казалось таким таинственным, полным некоей чудодейственной волшебной силы. Секрет же этой волшебной силы — в содержащихся в растении химических веществах, способствующих усилению кровообращения, снижению кровяного давления, расширению кровеносных сосудов.

В. К. Арсеньев установил, что женьшень — растение реликтовое и поэтому чрезвычайно капризное. Достаточно малейшего нарушения условий, благоприятных для его произрастания, чтобы оно погибло. Иногда без всякого видимого повода корень вдруг как бы замирает и в течение многих лет подряд не дает ростка.

Наиболее ценный женьшень добывался, как выяснилось, в горах Хехцира. Корень его толстый, белого цвета, диаметром до 8 см, массой до 200 г и более, с черноватой сердцевинкой и многочисленными мелкими отростками внизу корневища. Кроме того, ценные корни встречались и в долине реки Ваку (левый низовой приток реки Имана), а также и в некоторых других местах Уссурийского края...

Женьшень выращивали и искусственно; В. К. Арсеньев узнал, как это надо делать. Для искусственного выращивания женьшеня непременно надо было брать свежие семена, так как лежалые семена скоро утрачивают жизненную силу. Перед посадкой, недели за две, семена кладут в сырую землю и держат их при температуре приблизительно от $+1^{\circ}$ до $+6^{\circ}$.

Желательно, чтобы место для посадки женьшеня было выбрано в смешанном лесу, где есть кедр, чтобы оно находилось на северном склоне горы и не на солнцепеке. Может случиться и так, что панцуй, как называли женьшень местные жители, в первый год не прорастает. Но если нет ростка, надо набраться терпения. Это не означает, что корень погиб, просто он ждет благоприятных для себя условий, которые пока по какой-то причине отсутствуют.

Так как солнце действует на нежное растение губительно,

«лесные жители» устраивали над ним навесы из корья с таким расчетом, чтобы солнечные лучи освещали панцуй только с 7 до 9 часов утра и с 5 до 7 часов пополудни.

Заметим, что у Владимира Клавдиевича Арсеньева была и собственная плантация женьшеня, которой он, однако... ни разу в жизни не видел. Плантацию завещал ему Дерсу Узала, и об этом Арсеньев написал в книге. «Он говорил о том, что, будучи еще молодым... научился искать женьшень и изучил его приметы. Он никогда не продавал корней, а в живом виде переносил их в верховья реки Лефу и там сажал в землю. Последний раз на плантации женьшеня он был лет пятнадцать назад. Корни все росли хорошо: всего там было двадцать два растения. Не знает он теперь, сохранились они или нет,— вероятно, сохранились, потому что были посажены в глухом месте и поблизости следов человеческих не замечалось.

— Это все тебе!— закончил он свою длинную речь».

Быть может, кому-то из современных следопытов Уссурийского края еще посчастливится найти в тайге эту плантацию, заложенную в конце прошлого века гольдом-охотником...

Вот еще рекомендации, которые дает Арсеньев для искусственного выращивания женьшеня: «Растение женьшень травянистое, тонкое, очень нежное. Его легко может сломать ветер и испортить такое небольшое насекомое, как муравей. Для защиты от ветра около женьшеня разводят широколиственные травы, кустарники и устраивают с боков навесы из досок или бересты. Сильный ветер забивает женьшень...»

Сегодня женьшень на Дальнем Востоке широко разводят искусственным путем. Под Анучиным, например, есть специальный женьшеневый совхоз. Плантация площадью 50 га дает в год до 6 т целебного корня.

В. К. Арсеньев оставил нам не только самую подробную характеристику условий природного обитания женьшеня и способы искусственного возделывания, которыми пользуются сейчас на практике, но и точные рекомендации по пользованию его целебными свойствами.

«Как при приемах мышьяка или железа надо соблюдать известную диету, так и при приемах женьшеня требуется изменить режим жизни. Европейцы не знают этого и удивляются, что женьшень не помогает. Непременным условием становится физический труд на открытом воздухе... Летом и в особенности в жаркие дни приемы лекарства сокращаются более чем наполовину; зимой доли увеличиваются. Наивысшие приемы делаются в феврале и в марте перед весной.

Один панцуй употреблять нельзя,— от него может явиться кровотечение из носа и десен, а затем и расстройство всего организма. Обыкновенно панцуй употребляется вместе с другими лекарствами в виде пилюль. В состав этого лекарства входят панты, густой клейкий навар из медвежьих костей, корни астрагала и некоторые морские травы, содержащие йод.

Пилюли принимаются натошак и перед сном вечером: сперва — по три пилюли, а затем доза увеличивается и доходит до двадцати пилюль в сутки...»

Да и любая другая из работ Владимира Клавдиевича столь же серьезное исследование взятой проблемы, будь то способы добывания моржей на Тихоокеанском побережье или вопросы климатологии Дальнего Востока.

«Науку о Приморье», создаваемую Арсеньевым в течение десятилетий, с полным основанием можно назвать точной наукой, пусть и не в том смысле, в каком точными науками мы называем физику, математику, химию...

Глава

16

«ГЛАВНЫЙ СПЕЦИАЛИСТ»

К концу 20-х годов В. К. Арсеньев стал признанным «главным специалистом» страны по Дальнему Востоку. В ту пору молодое Советское правительство снаряжает сюда одну экспедицию за другой, всесторонне исследуются природные ископаемые края, его рыбные богатства, лесные ресурсы; и обязательно каждый из тех, кто руководил очередной экспедицией — морской или таежной, бывал в последней владивостокской квартире Владимира Клавдиевича, получая от него полезный совет, подробную инструкцию, тщательно выполненную карту того или иного лесного, прибрежного, морского района.

Наверное, многие из начальников дальневосточных экспедиций — они были, как правило, молодые — с благоговением входили в кабинет прославленного путешественника, ученого, писателя, навсегда запоминая и внешность «главного специалиста» по Дальнему Востоку, и простую обстановку кабинета, где ежедневно он работал, в статьях и книгах подводя итоги своим многолетним путешествиям, щедро делясь своими знаниями, приглашая все новых людей становиться дальневосточниками, жителями и тружениками чудесного края.

Многие запомнили, как выглядел этот кабинет.

Строгий, всегда аккуратно прибранный письменный стол, возле которого вращающееся кресло. Крупные комнатные цветы в вазах, стоящие на небольших подставках по обеим сторонам стола. Книги на стеллажах, картины или большие фотографии на стенах, так или иначе связанные с прежними путешествиями, например фотографии камчатских пейзажей.

На письменный стол в центре кабинета ежедневно в эти годы ложились десятки писем. Адресатами Владимира Клавдиевича Арсеньева были ученые, путешественники, государственные деятели, многочисленные читатели его книг. А книги эти были необыкновенно популярны в те годы: множество читателей сумел увлечь за собой в путешествия по Уссурийскому краю талантливый писатель-исследователь.

Вот, например, какие письма часто встречались в почте Владимира Клавдиевича:

«Вы сейчас готовитесь в дальнейшее опасное путешествие сроком на три года, для которого нужно иметь неограниченную силу воли, большой запас энергии, чтобы проложить тропу в еще так мало исследованную местность, идя навстречу разным лишениям и опасностям...

...И как бы я был счастлив, если бы мог разделить Вашу участь, являться Вашим помощником-рабочим, чтобы только взять немного от Вас того драгоценного опыта, которым Вы сильно одарены, испытать на плечах все трудности...

...Вы можете вполне надеяться на меня, на мою выносливость и любовь к делу...

...Я Вас искренне прошу взять меня с собой в экспедицию. Все дорожные расходы ложатся на меня, и беспокоиться об этом Вам нечего, за Вами лишь одно слово...»

Такое письмо В. К. Арсеньев получил от А. Ю. Леонова, рабочего депо станции Мерв Средне-Азиатской железной дороги; письмо было отправлено 9 апреля 1930 года.

А вот другое письмо:

«Уважаемый Владимир Клавдиевич, я ученик Волчанской профессиональной технической школы, Лев Петров, прочитав, что Вы готовитесь к своей новой экспедиции, обращаюсь к Вам с большой просьбой принять меня в состав экспедиции...

...Мысль об исследовании Дальнего Востока возникла у меня уже лет пять тому назад, и я буду Вам очень благодарен, если Вы дадите мне возможность осуществить ее сейчас...»

«Глубокоуважаемый Владимир Клавдиевич!

...В свой последний приезд в гор. Смоленск Петр Кузьмич Козлов как-то в разговоре с большим восхищением отозвался о Вашей книге «В дебрях Уссурийского края». Встреча и беседа с Петром Кузьмичом оставили неизгладимый след в моей душе. Мне неудержимо хочется побывать и побродить в диких малоизвестных краях...

...Затаенная мечта участвовать в какой-нибудь экспедиции по Дальневосточному краю или Азии не покидает меня, и я решил хорошенько ознакомиться с краеведческой литературой об этих краях...

...Не откажите сообщить, где можно достать эту книгу и ее цену и какие есть еще Ваши труды по краеведению Дальнего Востока...

...Я не теряю надежды на выполнение моей мечты хотя бы в качестве самого последнего рабочего...»

Такое письмо в 1930 году прислал В. К. Арсеньеву А. А. Киселев из Грозного.

Каждому из своих многочисленных корреспондентов Владимир Клавдиевич обстоятельно отвечал; если нужно было, посылал книги, фотографии, географические карты, выписки из путевых дневников. Он получал в эти годы письма и от

Пилюли принимаются натошак и перед сном вечером: сперва — по три пилюли, а затем доза увеличивается и доходит до двадцати пилюль в сутки...»

Да и любая другая из работ Владимира Клавдиевича столь же серьезное исследование взятой проблемы, будь то способы добывания моржей на Тихоокеанском побережье или вопросы климатологии Дальнего Востока.

«Науку о Приморье», создаваемую Арсеньевым в течение десятилетий, с полным основанием можно назвать точной наукой, пусть и не в том смысле, в каком точными науками мы называем физику, математику, химию...

Глава

«ГЛАВНЫЙ СПЕЦИАЛИСТ»

16

К концу 20-х годов В. К. Арсеньев стал признанным «главным специалистом» страны по Дальнему Востоку. В ту пору молодое Советское правительство снаряжает сюда одну экспедицию за другой, всесторонне исследуются природные ископаемые края, его рыбные богатства, лесные ресурсы; и обязательно каждый из тех, кто руководил очередной экспедицией — морской или таежной, бывал в последней владивостокской квартире Владимира Клавдиевича, получая от него полезный совет, подробную инструкцию, тщательно выполненную карту того или иного лесного, прибрежного, морского района.

Наверное, многие из начальников дальневосточных экспедиций — они были, как правило, молоды — с благоговением входили в кабинет прославленного путешественника, ученого, писателя, навсегда запоминая и внешность «главного специалиста» по Дальнему Востоку, и простую обстановку кабинета, где ежедневно он работал, в статьях и книгах подводя итоги своим многолетним путешествиям, щедро делясь своими знаниями, приглашая все новых людей становиться дальневосточниками, жителями и тружениками чудесного края.

Многие запомнили, как выглядел этот кабинет.

Строгий, всегда аккуратно прибранный письменный стол, возле которого вращающееся кресло. Крупные комнатные цветы в вазах, стоящие на небольших подставках по обеим сторонам стола. Книги на стеллажах, картины или большие фотографии на стенах, так или иначе связанные с прежними путешествиями, например фотографии камчатских пейзажей.

На письменный стол в центре кабинета ежедневно в эти годы ложились десятки писем. Адресатами Владимира Клавдиевича Арсеньева были ученые, путешественники, государственные деятели, многочисленные читатели его книг. А книги эти были необыкновенно популярны в те годы: множество читателей сумел увлечь за собой в путешествия по Уссурийскому краю талантливый писатель-исследователь.

Вот, например, какие письма часто встречались в почте Владимира Клавдиевича:

«Вы сейчас готовитесь в дальнейшее опасное путешествие сроком на три года, для которого нужно иметь неограниченную силу воли, большой запас энергии, чтобы проложить тропу в еще так мало исследованную местность, идя навстречу разным лишениям и опасностям...

...И как бы я был счастлив, если бы мог разделить Вашу участь, являться Вашим помощником-рабочим, чтобы только взять немного от Вас того драгоценного опыта, которым Вы сильно одарены, испытать на плечах все трудности...

...Вы можете вполне надеяться на меня, на мою выносливость и любовь к делу...

...Я Вас искренне прошу взять меня с собой в экспедицию. Все дорожные расходы ложатся на меня, и беспокоиться об этом Вам нечего, за Вами лишь одно слово...»

Такое письмо В. К. Арсеньев получил от А. Ю. Леонова, рабочего депо станции Мерв Средне-Азиатской железной дороги; письмо было отправлено 9 апреля 1930 года.

А вот другое письмо:

«Уважаемый Владимир Клавдиевич, я ученик Волчанской профессиональной технической школы, Лев Петров, прочитав, что Вы готовитесь к своей новой экспедиции, обращаюсь к Вам с большой просьбой принять меня в состав экспедиции...

...Мысль об исследовании Дальнего Востока возникла у меня уже лет пять тому назад, и я буду Вам очень благодарен, если Вы дадите мне возможность осуществить ее сейчас...»

«Глубокоуважаемый Владимир Клавдиевич!

...В свой последний приезд в гор. Смоленск Петр Кузьмич Козлов как-то в разговоре с большим восхищением отозвался о Вашей книге «В дебрях Уссурийского края». Встреча и беседа с Петром Кузьмичом оставили неизгладимый след в моей душе. Мне неудержимо хочется побывать и побродить в диких малоизвестных краях...

...Затаенная мечта участвовать в какой-нибудь экспедиции по Дальневосточному краю или Азии не покидает меня, и я решил хорошенько ознакомиться с краеведческой литературой об этих краях...

...Не откажите сообщить, где можно достать эту книгу и ее цену и какие есть еще Ваши труды по краеведению Дальнего Востока...

...Я не теряю надежды на выполнение моей мечты хотя бы в качестве самого последнего рабочего...»

Такое письмо в 1930 году прислал В. К. Арсеньеву А. А. Киселев из Грозного.

Каждому из своих многочисленных корреспондентов Владимир Клавдиевич обстоятельно отвечал; если нужно было, посылал книги, фотографии, географические карты, выписки из путевых дневников. Он получал в эти годы письма и от

таких людей, как академики И. П. Павлов и В. Л. Комаров, путешественники П. К. Козлов, В. П. Семенов-Тянь-Шанский, сын знаменитого исследователя Центральной Азии П. П. Семёнова-Тянь-Шанского, который когда-то слушал доклад о путешествиях Арсеньева во время его приезда в Петербург в 1910 году, Фритьоф Нансен. Еще в архиве Владимира Клавдиевича хранились письма — приобретенные у разных людей — первого русского путешественника к Северному полюсу Георгия Яковлевича Седова, первого русского авиационного инженера Александра Федоровича Можайского.

А в 1928 году на рабочий стол В. К. Арсеньева легло письмо, которое, без сомнения, было особенно ему дорого.

Многочисленные штемпели почтовых отделений разных стран свидетельствовали, что письмо проделало длинный путь. Начинался он в итальянском городе Сорренто. В конверте оказался том «Клима Самгина» с автографом автора и письмо.

«Уважаемый Владимир Клавдиевич! — писал Алексей Максимович Горький. — Книгу Вашу я читал с великим наслаждением. Не говоря о ее научной ценности, — конечно, несомненной и крупной, я увлечен и очарован был ее изобразительной силой. Вам удалось соединить в себе Брэма и Фенимора Купера, — это, поверьте, не плохая похвала. Гольд написан Вами отлично, для меня он более живая фигура, чем «Следопыт», более «художественная». Искренне поздравляю Вас.

Разумеется, я буду очень рад получить второе издание этой чудесной книги от автора, но, кроме того, я Вас прошу сказать «Книжному делу», чтоб мне выслали еще два экземпляра. Это — для знакомых, которые брали у меня первое издание и так же влюбились в книгу, как и я.

Почему Вы не предложите Госиздату издать этот Ваш труд? Важность его так же неоспорима, как и красота.

У Вас, вероятно, есть фотографии, книгу можно было бы иллюстрировать. Подумайте, какое прекрасное чтение для молодежи, которая должна знать свою страну.

Посылаю Вам мою книгу. Будьте здоровы.

24.1.28, Сорренто».

А. Пешков.

А как книга В. К. Арсеньева попала к Горькому — ведь в то время писатель жил в Италии?

Книгу «По Уссурийскому краю» посоветовал ему прочитать М. М. Пришвин в одном из писем. По просьбе Алексея Максимовича Пришвин и послал арсеньевскую книгу в Сорренто. Вскоре после этого у А. М. Горького побывал художник П. С. Коган, президент Академии художеств. В статье «Встречи и впечатления у Горького», опубликованной 1 июня 1927 года в «Вечерней Москве», П. С. Коган рассказал и о том, какое впечатление на Алексея Максимовича произвела книга «По Уссурийскому краю». Прочитав об этом, Владимир Клав-

диевич написал в Сорренто письмо с благодарностью. Ответ Алексея Максимовича пришел очень быстро. С тех пор началась переписка В. К. Арсеньева с выдающимся советским писателем, который постоянно следил за его работой.

Переиздания книг Владимира Клавдиевича Арсеньева теперь готовятся в Москве в издательстве «Молодая гвардия». Он полон творческих планов — ведь столько осталось за спиной интересных маршрутов, может быть, о каждом стоит написать книгу...

Перечень научных титулов В. К. Арсеньева, как и перечень его главных научных работ, тоже займет немало места. Он был избран почетным членом Приморского лесного общества и Приморской архивной комиссии во Владивостоке, Владивостокского отдела Государственного географического общества, Дальневосточного краевого отдела Русского географического общества в Хабаровске и Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском государственном университете.

А кроме того, в знак признания научных заслуг В. К. Арсеньева в изучении Дальнего Востока его избрали своим действительным членом Государственное русское географическое общество в Ленинграде, Антропологическое общество при Ленинградском государственном университете, Общество археологии, истории и этнографии при Казанском государственном университете, Русский орнитологический комитет при Обществе акклиматизации животных и растений в Москве, Российская академия истории материальной культуры, Дальневосточный краевой институт при Дальневосточном государственном университете, Дальневосточная секция Тихоокеанского комитета Академии наук СССР и, наконец, Вашингтонское национальное географическое общество.

Владимир Клавдиевич принимал участие и в создании первых краеведческих фильмов Владивостокского отделения «Культфильма». Он стал соавтором сценариев таких пользовавшихся большим успехом научно-популярных фильмов, как «В дебрях Уссурийского края», «Лесные люди удэгейцы», «Тумгу»... Два последних фильма едва ли не первые в истории кинематографии научно-популярные этнографические фильмы.

А что же с новыми путешествиями?

В 1930 году Владимир Клавдиевич был назначен начальником Бюро экономических изысканий Уссурийской железной дороги. Новая ветка железной дороги должна была пролечь в северной части Приморского края; кто мог наметить лучшее место для трассы, как не он сам, и В. К. Арсеньев взял на себя руководство одновременно четырьмя экспедициями. Накануне отъезда в низовья Амура он получил очередное письмо Алексея Максимовича Горького:

«Итак, Вы будете руководителем четырех экспедиций. Это меня восхищает, ибо я уверен, что Вы напишете еще прекрасную

книгу. И, думаю, даже уверен, что это очень хорошо отразится на сборнике по Дальнему Востоку...»

Алексей Максимович планировал издать большой научно-художественный сборник, в который вошли бы материалы, представляющие читателю самую дальнюю и прекрасную землю Советской страны, омываемую водами Тихого океана.

Конечно, по замыслу Горького, многое в подготовке такого интересного сборника должен был бы сделать «главный специалист» по Дальнему Востоку. И сам Владимир Клавдиевич уходил в тайгу — в который уже раз! — полный творческих планов и полный сил, — уходил, чтобы, вернувшись из экспедиции, вновь создавать за письменным столом произведения, которые позовут в дорогу строителей железных дорог и новых городов, специалистов горного дела, добывающих полезные ископаемые, охотников за целебными растениями и капитанов рыболовных судов, что выйдут в Тихий океан.

Было лето 1930 года. В августе Владимиру Клавдиевичу Арсеньеву должно было исполниться пятьдесят восемь лет — возраст, когда путешественник планирует новые маршруты, а писатель думает о новых — о многих — ненаписанных книгах, которые должны быть написаны. Многие еще он успел бы совершить: пройти неизведанными таежными местами, написать новые книги.

...6 сентября 1930 года Владивосток провожал Владимира Клавдиевича Арсеньева в последний путь. В экспедиции по изысканию трассы для железной дороги он простудился и незадолго до дня своего рождения был вынужден вернуться во Владивосток. В больнице врачи признали у него крупозное воспаление легких; несмотря на все принятые меры ослабленный организм начал сдавать. 4 сентября 1930 года оборвалась жизнь путешественника, ученого, писателя.

Холм венков покрыл его могилу. Весь город пришел отдать последнюю дань самому знаменитому из своих жителей. Отовсюду шли во Владивосток телеграммы и письма. «Глубоко поражен преждевременной кончиной Владимира Клавдиевича Арсеньева, — написал из Сорренто Алексей Максимович Горький, — талантливого человека, неутомимого исследователя Уссурийского края. Сердечно сочувствую его друзьям и сотрудникам по работе, разделяя с ними их печаль».

Из Осло пришла телеграмма от жены Фритьофа Нансена, умершего за три с половиной месяца до этого; в телеграмме подчеркивалось, что Нансен и Арсеньев были близки друг другу по духу, по готовности пройти там, где еще никто не был.

Наверное, справедливым было такое сравнение, сделанное в скорбный час, справедливым было сопоставление первопроходца высоких арктических широт и первопроходца дальневосточной тайги. У Фритьофа Нансена, однако, жизнь оказалась более долгой... Владимир Клавдиевич Арсеньев не успел сделать всего того, что хотел успеть.

И все-таки как же много он сделал!

Во многих музеях страны экспонируются сегодня научные, главным образом этнографические, коллекции, собранные Владимиром Клавдиевичем Арсеньевым. Их могут увидеть жители Владивостока, Уссурийска, Хабаровска, Комсомольска-на-Амуре, Советской Гавани, Благовещенска, Читы, Казани, Москвы, Ленинграда.

Многочисленные переиздания его книг не задерживаются на полках библиотек; их сегодня перечитывают с таким же интересом, как и в годы жизни путешественника. Многие новоселы-дальневосточники приезжают в Приморский и Хабаровский края именно потому, что пережили очарование книг, написанных В. К. Арсеньевым.

Туристы, прибывающие во Владивосток, знакомятся с арсеньевскими местами, тщательно сохраняемыми; осталась память об отважном исследователе-первопроходце в названиях улиц, краеведческий музей во Владивостоке носит его имя. Память об Арсеньеве хранит и другой город, в котором он долго жил, — Хабаровск... А в городе Арсеньеве — так с 1952 года называется бывший поселок Семеновка — стоит гранитный памятник Владимиру Клавдиевичу, который был открыт к столетию со дня его рождения.

С высоты пьедестала смотрит Арсеньев на город, раскинувшийся перед ним, один из тех новых городов, о которых он мечтал. Рядом, на гранитной скале, вырезан барельеф Дерсу Узала. Именем Арсеньева названы некоторые новые для науки виды представителей флоры и фауны Дальнего Востока. Имя исследователя-первопроходца носят сегодня корабли, рудники, школы...

Но лучший памятник исследователю — это весь преобразованный советский Дальний Восток.

Уже на глазах исследователя начал он меняться. Владимир Клавдиевич мечтал об обновлении тех мест, по которым странствовал долгие годы, работал ради этого. И пожалуй, трудно найти в нашей стране край, где в жизнь новое входило бы такими же темпами.

Всего через пятнадцать лет после смерти Арсеньева один из дальневосточных писателей, Н. М. Рогаль, точно охарактеризовал эти перемены:

«За всю историю человечества не было отмечено столь быстрого превращения огромной, мало обжитой территории в район современной передовой индустрии, транспорта и сельского хозяйства. Строительство на Дальнем Востоке не прекращалось и в годы Великой Отечественной войны. Новый, невиданный еще размах приобрело оно в послевоенные пятилетки... На пустынном прежде побережье от Посъета до мыса Поворотного выросли десятки первоклассных предприятий рыбной промыш-

ленности: консервные заводы, рыбокомбинаты, моторо-рыболовецкие станции. Созданы питомники пушных зверей и пятнистых оленей. Развернуты крупные заготовки леса... Близ рек Майхэ, Кангауза и Сучана, где когда-то выслеживал тигров Арсеньев, построены новые, механизированные шахты, работают врубовые машины, отбойные молотки, электрифицированные подъемники подают на-гора превосходный сучанский уголь. Ярko светятся огни новой Артемовской государственной электростанции».

Этой цитате сорок лет; к сегодняшнему дню Дальневосточный край преобразился совершенно неузнаваемо.

Текут по доменным цехам завода «Амурсталь», возведенного в Комсомольске-на-Амуре, раскаленные чугунные реки, чтобы в других цехах, мартеновских, превратившись в первоклассную сталь, вылиться в изложницы. Потом стальные бруски, пройдя по прокатным цехам, станут рельсами, балками, трубами.

Работает в том же Комсомольске-на-Амуре громадный завод литейного оборудования «Амурлитмаш».

А в Хабаровске, где до 1917 года была лишь табачная фабрика, винокуренный и пивной заводы, производятся судовые дизели для речных и морских судов, рыболовных траулеров. Громадный завод так и называется — «Дальдизель». Сходят с хабаровских заводских конвейеров и генераторы для электростанций, выпускаются тысячи километров электрического кабеля.

А бумага, которой когда-то так не хватало приморским типографиям — вспомним историю первых книг В. К. Арсеньева, — производится в Амурске.

На отвоеванных у тайги пространствах зреют под ярким дальневосточным солнцем хлеба, овес, соя, рис. Но и к первозданной природе в крае относятся бережно, со всей заботой, — на Дальнем Востоке созданы крупные заповедники, которые стали местом серьезных научных исследований в ботанике и зоологии: Сихотэ-Алинский, Уссурийский, Большехехцирский.

Дальневосточный край дает стране золото, руды цветных металлов, пушнину. А в океан выходят сотни рыболовных траулеров, чтобы зачерпнуть полные сети сельди, камбалы, палтуса, тунца, сайры, лососевых рыб, скумбрии, морского окуня, терпуга. Не перечислить всего, что дает дальневосточным рыбакам океан; достаточно сказать только, что одна треть всего улова рыбы в масштабах страны поступает с Тихого океана.

И наука, как и промышленность, сельское хозяйство, рыболовное дело, обрела сегодня на просторах Дальнего Востока невиданный расцвет. В состав Дальневосточного научного центра АН СССР входят около двух десятков научно-исследовательских институтов, ведущих фундаментальные и прикладные исследования по биологии, химии, геологии, океанологии, геог-

рафии, истории, экономике народного хозяйства, теоретической и прикладной математике. В их числе уникальный, единственный в мире Вулканологический институт на Камчатке, а кроме того, комплексные Северо-Восточный и Сахалинский институты, Горно-таежная станция, станция Службы Солнца, космофизические отделы, морские экспериментальные базы. Дальневосточный научный центр располагает и целой флотилией исследовательских судов...

Край, богатый всем, щедро дающий все, что имеет, готовый дать еще больше,— таков сегодня советский Дальний Восток.

А люди, работающие здесь — выплавляющие сталь и добывающие руду, вольфрам, золото, пушнину, собирающие в заводских цехах дизели и ведущие суда в просторы Тихого океана, прислушивающиеся с помощью чутких приборов к неровному дыханию вулканов и бережно охраняющие неповторимую дальневосточную флору и фауну в заповедниках,— бесконечно любят землю, на которой они трудятся и живут. Знают, что любви этой во многом научил их — страницами своих книг, самой своей жизнью — человек, когда-то вдоль и поперек исходивший эту землю и для многих впервые открывший ее — Владимир Клавдиевич Арсеньев.

Заключение

Самым лучшим завершением книги о Владимире Клавдиевиче Арсеньеве окажется взгляд в будущее Дальнего Востока. Потому что не на ближайшие годы вперед смотрел путешественник, заносая на привалах при неровном свете костра очередные записи в походные дневники, а много дальше, предвидел и то время, что и для нас пока впереди.

Так каким же видится сегодня будущее «края Арсеньева»?

Вся наша страна устремляется сейчас вперед, партия поставила невиданные по масштабности и значимости задачи, очень многое предстоит сделать в ближайшие годы. Напряженная работа ради того, чтобы реальностью стали намеченные грандиозные планы, идет сейчас и на Дальнем Востоке. Вот строки из одного из важнейших партийных документов последнего времени — «Основных направлений экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 года»:

«На Дальнем Востоке увеличить добычу цветных и редких металлов. Обеспечить опережающее развитие топливной промышленности и электроэнергетики. Ввести в действие газопровод Оха — Комсомольск-на-Амуре, первые агрегаты на Вилюйской ГЭС-3 и Бурейской ГЭС, Комсомольской ТЭЦ-3 и Уссурийской ТЭЦ, приступить к строительству Усть-Среднеканской ГЭС и Якутской ГРЭС-2. Завершить строительство Депутатского горно-обогатительного комбината в Якутской АССР. Увеличить улов рыбы, добычу морепродуктов, производство высококачественной пищевой рыбной продукции. Нарастивать производство сои, риса и другой сельскохозяйственной продукции.

Для закрепления кадров в районах Севера, Сибири и Дальнего Востока обеспечить опережающий рост уровня жизни населения этих районов».

Что стоит за этими строками?

Экономисты предсказывают, что к началу ХХІ в. Дальний Восток вместе с Сибирью станут одними из наиболее развитых и передовых районов огромной Советской страны. Из научно обоснованных перспектив и исходят намеченные партией планы дальнейшего развития огромных территорий, которые казались некогда такими далекими. На востоке появятся новые крупнейшие центры тяжелой промышленности, новые города, научно-исследовательские институты, работающие над важнейшими проблемами, прямо связанными с решением масштабных задач преобразования края.

Важнейшим шагом в будущее стало строительство Байкало-Амурской магистрали. Именно с изысканиями трасс для новых железных дорог была, как мы помним, связана самая последняя экспедиция Владимира Клавдиевича Арсеньева. И, как он предвидел, по тем местам глухой тайги, где бродил он в 1930 г., пролегли ныне рельсы, тайга, по которой прокладывал когда-то тропы великий путешественник, теперь расступилась, чтобы дать дорогу полновесным составам с грузами, пассажирским поездам с людьми, которым предстоит работать на востоке страны.

Быстро растут новые города и поселки на трассе, которую часто называют «стройкой века» — Тында, Ургал-2, Алонка, Березовый... И в обширных районах, примыкающих к Байкало-Амурской магистрали, уже сейчас зримо видятся новые мощные индустриальные регионы — не за горами то время, когда наберут они силу, заработают на полную мощность.

Удоканский комплекс... Здесь открыты богатейшие месторождения меди, столь необходимой самым разным отраслям промышленности. Придет время, везде найдет применение удоканская медь.

Чульман-Алданский топливно-промышленный комплекс... Развитие его связано с месторождениями коксующихся углей, которые можно разрабатывать наиболее выгодным открытым способом, и расположенными поблизости мощными железорудными залежами. Такое сочетание необыкновенно выгодно для создания металлургической промышленности, и встанут здесь заводы, выплавляющие чугуны и превращающие его потом в сталь...

В центральной части Байкало-Амурской магистрали возникнет Тындинский промышленный узел. Экономисты видят в нем своеобразный штаб дальнейшего освоения огромных восточных территорий, опорно-строительный и транспортно-распределительный центр. А кроме того будет здесь развиваться и лесная промышленность — край невиданно богат лесом.

Зейский комплекс обеспечит всю южную часть Дальнего Востока электроэнергией. Однако построенная гидроэлектростанция не только будет вырабатывать электроэнергию, но и... ощутимо поможет земледельцам. Дело в том, что ее плотина

закроет от наводнений богатые пойменные земли и, значит, ничто не помешает будущим отличным урожаям.

В Ургальском комплексе уже сейчас частично эксплуатируются крупные запасы каменного угля. В будущем масштабы добычи неизмеримо вырастут. Здесь будут развиваться машиностроение, деревообработка. Станет этот комплекс и крупнейшим «перевалочным пунктом» для западносибирской нефти, идущей на восток: из пришедших по железнодорожным путям цистерн попадет она в трубы нефтепровода, который предстоит проложить к Тихоокеанскому побережью.

Мощная Бурейская ГЭС даст электроэнергию восточному сектору Байкало-Амурской магистрали.

И еще один крупный промышленный комплекс формируется на Дальнем Востоке — Совгаваневский. Это крупный транспортный узел с предприятиями судоремонта, переработки рыбных богатств, добываемых в водах Тихого океана, с морской паромной переправой на остров Сахалин...

Вот таким видим мы сегодня будущее Дальнего Востока. Реальное, вполне определенное будущее. И оно придет, созданное самоотверженным трудом советских людей, их мастерством, трудолюбием, волей, — придет, и тогда впереди появятся новые, еще более заманчивые и великие перспективы.

И снова и снова будут сходиться с печатных машин переиздания книг, написанных Владимиром Клавдиевичем Арсеньевым, — книг, открывающих читателю дальневосточный край, зовущих принять участие в преобразовании чудесной далекой земли.

Вспомним: несколько сот экземпляров первого издания книги «В дебрях Уссурийского края» Владимир Клавдиевич отправил московским комсомольцам, призывая их осваивать Дальний Восток. И среди тех, кто строил Комсомольск-на-Амуре, другие дальневосточные города, покорял тайгу, ловил тихоокеанскую рыбу, немало было читателей Арсеньева.

И над сегодняшним читателем книги, написанные Арсеньевым, имеют такую же власть, и сегодня его жизненный пример зовет молодых людей в дальние и чудесные края, где всегда нужны будут люди активные, заинтересованные, готовые своим самоотверженным трудом сделать эти края еще прекраснее.

Тот, кто читает эти книги, наполненные густыми таежными ароматами, дымом походных костров, голосами тайги, сегодня — будет работать в «крае Арсеньева» завтра.

Завтрашнему читателю суждено своими руками творить еще более отдаленное будущее далекой земли...

Так что никогда не окончится путь, продолженный в дальневосточной тайге Владимиром Клавдиевичем Арсеньевым.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Введение	3
Глава 1.	Путешествия детства	4
Глава 2.	Дядя Черномор	8
Глава 3.	Юнкер, подпоручик...	11
Глава 4.	Дорога на океан	13
Глава 5.	Окраина	19
Глава 6.	Уссурийский следопыт	23
Глава 7.	Дерсу Узала и «Дерсу Узала»	29
Глава 8.	Вновь Сихотэ-Алинь	41
Глава 9.	Наука о Приморье	52
Глава 10.	Признание	54
Глава 11.	Кабинетная работа	61
Глава 12.	Ученый и писатель	65
Глава 13.	Камчатка, Командоры, Камчатка	69
Глава 14.	И снова в тайгу	75
Глава 15.	Исследования продолжаются	79
Глава 16.	«Главный специалист»	84
Глава 17.	Край Арсеньева	89
	Заключение	92

Владимир Игоревич Малов

В. К. АРСЕНЬЕВ

Зав. редакцией И. А. Ерофеев

Редакторы А. В. Мироненко, Е. К. Липкина

Художественный редактор Е. А. Михайлова

Редактор карт З. И. Земнухова

Технический редактор Т. Е. Молозева

Корректор Л. П. Батакова

ИБ № 9523

Сдано в набор 12.02.86. Подписано к печати 11.08.86. А 08662.
Формат 60 × 90^{1/16}. Бум. офсетная № 2. Гарнитура школьная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 6. Усл. кр. отт. 6,5. Уч.-изд. л.
6,27. Тираж 100000 экз. Заказ 1220. Цена 20 коп.

Ордена Трудового Красного знамени издательство
«Просвещение» Государственного комитета РСФСР по делам
издательств, полиграфии и книжной торговли.
129846, Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.

Смоленский полиграфкомбинат Росглавполиграфпрома
Государственного комитета РСФСР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли. 214020, Смоленск,
ул. Смольянинова, 1.

20 к.

Люди науки

